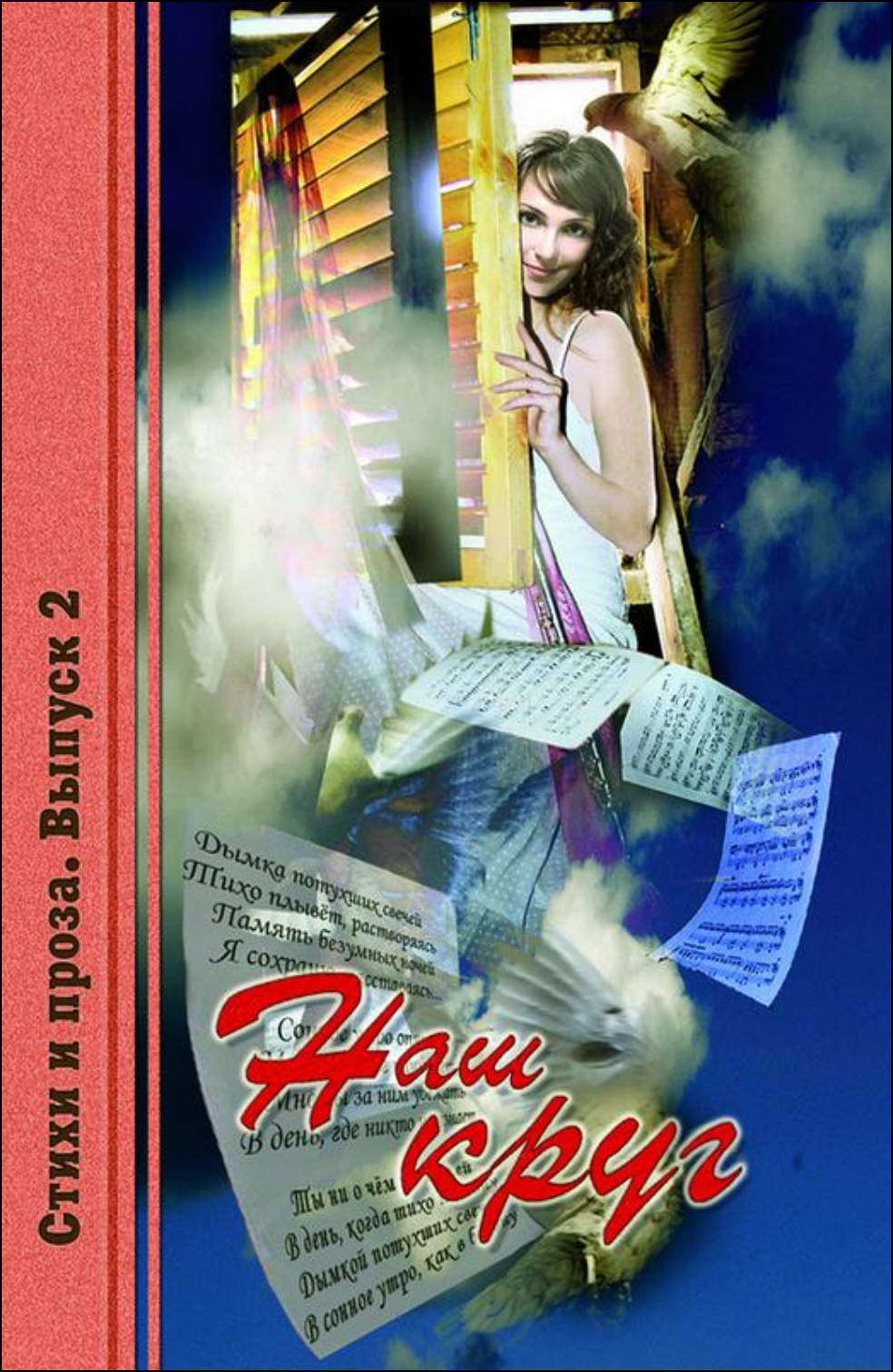

Стихи и проза. Выпуск 2

Дымка потухших свечей
Тихо плывёт, растворяясь
Память безумных вшей
Я сохранила, растворяясь...

Сон...
Мне... за ним...
В день, где никто...

Наш Круг

Ты ни о чём
В день, когда тихо
Дымкой потухших свечей
В сонное утро, как в...

Наш Круг

Выпуск 2

Стихи и проза

Новоуральск
2010

Наш круг. Выпуск 2. Стихи и проза. Литературный сборник.
-Новоуральск: ИП Чумакова М.В., 2010.

© Аверьянова Г., Вихрев В., Волков В., Григорьева Л.,
Ленденев В., Натальяина Е., Овчарук И., Санатин Е.,
Михалева С., Сентябова Н., Чебан Н., Чумаков И.,
Шевченко Т., текст, 2010.

© Аверьянова Г., составление, 2010.

© Мезенина Ю., фото.

Предисловие

В данный сборник вошли произведения тринадцати поэтов и прозаиков Ассоциации творческих союзов «Созвучие» городов Новоуральска и Екатеринбурга.

«Созвучие» существует 21 год. В него входит около пятидесяти поэтов, прозаиков, эссеистов, композиторов, бардов, художников и артистов-исполнителей.

За данный период созвученцы печатались в «Антологии поэзии закрытых городов», в альманахе «Поэтический марафон» Екатеринбургского отделения Союза писателей России, в сборниках «Созвучие», «Литературное окно», «Звездные знаки», «Рябины терпкое вино», «Поймать неуловимое», «Наш круг» (первый выпуск), «Складчина» (при библиотеке журнала «Урал»), а также в сборниках индивидуальных. Печатаются в городских и областных газетах, в журнале «Урал» и других изданиях.

На стихи поэтов Ассоциации написано много песен городскими и областными композиторами. Они звучат в концертных залах Новоуральска, Екатеринбурга, городов области и ЗАТО.

*Президент Ассоциации
творческих союзов «Созвучие»
Галина АВЕРЬЯНОВА*

*В сборник вошли произведения
авторов:*

Галины Аверьяновой
Владислава Вихрева
Владимира Волкова
Ларисы Григорьевой
Валерия Ленденева
Елизаветы Натальиной
Ивана Овчарука
Евгения Санатина
Светланы Михалевой
Натальи Сентябовой
Нины Чебан
Ильи Чумакова
Татьяны Шевченко

Галина Аверьянова

***

Полусонные грезы детства,
Только встречи, а не разлуки...
Никуда от счастья не деться –
Просто рядом мамины руки.

Просто пахнут травой и мятой,
И росой летние зори,
Просто радуги ночью снятся,
Просто грозы уносят горе.

Но летят в поднебесье сказки,
Таеет запах полыни горькой,
Одиноко стоят салазки
У заброшенной снежной горки.

Снегири садятся на плечи,
Серебро на виски ложится,
И свечами лучится вечер,
И мечтается, и не спится.

И босою бежать по травам
Очень хочется утром ранним,
И хмельную испить отраву,
Равнодушных – любовью ранить.

И смотреть на леса и горы,
И ромашек набрать букеты,
Сладко воздух вдыхать озерный,
И в ладони брать лучик света.

В озаренную даль влюбиться,
Любоваться небесной синью...
Просто здесь мне пришлось родиться,
Просто это – моя Россия.

Маме

Я твои бы целовала руки,
На колени б пала пред тобой...
Горькая и вечная разлука
Нам дана суровую судьбой.

Как при жизни мы родных не ценим,
Оттого и больно до сих пор...
Вспоминаю старенькие сени,
Печку, ставни, реденький забор.

В огороде – маленькие грядки,
Возле дома в клумбе – резеда...
Убежать сейчас бы без оглядки
В этот белый домик навсегда,

В край далекий и благоуханный,
В жаркий воздух, в знойный летний день.
Там любовь я встретила неожиданно,
Там цвела душистая сирень.

Там со мной шагала рядом юность,
Были ночи звездные теплы,
Там гитарные звенели струны
И горели синие костры.

И живет в душе святая память
О родных заботливых руках...
Видно, вечно сердце будут ранить
Надписи на стареньких крестах,

Мамина и папина могилы,
Холмики родной степной земли,
Над рекой склонившиеся ивы,
В сиротливом небе – журавли.

Видно, это души улетают
В голубые светлые края...
Уплывает с поднебесной стаей
Юность ясноглазая моя.

Дорогому Юре

Мы сидим все чаще у камина.
Он пока горит, он не погас.
Ну, и пусть текут события мимо,
А ко мне приходит конь Пегас.

А ко мне приходит ночью Муза...
Ты мне все дороже с каждым днем.
Пусть метель в лесу за домом кружит,
Мы с тобой до лета доживем.

Впрочем, это мало – лишь до лета,
Много будет в жизни лет и зим.
Много песен мной еще не спето
Обо всем, чем очень дорожим.

Если мы с тобой порой в разлуке,
Все равно мы рядом, мы вдвоем.
Положи мои в ладони руки,
И нам раем станет старьей дом.

***

Варенье из смородины
Сегодня я сварила...
Ах, сколько, сколько пройдено –
Себе я говорила.

Года бегут и сердятся
На то, что их считаю.
И небо стало сереньким,
И снег грустит и тает.

Варенье из смородины...
Ах, как оно душисто!
Сижу, пишу пародии,
А на душе так чисто.

А на душе так весело,
Как утром спозаранку.
Стихов с вареньем месиво
Я разлила по банкам.

И не пойму я, где я есть?
Ах, да, на кухне вроде бы...
Но, Боже мой, причем же здесь
Варенье и... пародии?!

***

Руки сладко пахнут апельсинами,
Губы, как пион душистый, алые...
Я надела блузку темно-синюю –
С цветом что-то явно подкачала я.

Я хочу быть в голубом иль в розовом,
Или в нежно-желтом, иль в салатовом...
Я хочу, чтоб подарил мне розы ты
Или бриллиант с пятью каратами.

Я хочу в Париж, хочу в Венецию,
Ну, на крайний случай, хоть в Тарасково.
Ладно, не поеду в вашу Грецию!
И надену блузку. Ярко-красную!

***

А я от Вас чуть не ушла,
Чуть без оглядки не сбежала.
И обступила душу мгла.
И двери жесткие вокзала...

Уехать к дьяволу! Куда?
Куда уехать от печали?
«Живут чужие города»,
Поют сиреневые дали...

Но Вы сказали: «Я не дам,
Не дам уйти, не дам уехать!»
Долой Париж и Амстердам –
Судьбы несбывшиеся вехи.

Зато ушли печаль и грусть.
Я – Ваша блоковская дама.
Я не уехала. И пусть!
Я обойдусь без Амстердама.

***

Наверно, на прощанье надо,
Чтоб был шумящий листопад
И неба чистая прохлада,
И обнаженный старый сад.

Наверно, на прощанье надо
Обиды прежние простить,
И боль лелеять, и отраду,
Дождю позволить моросить,

И разрешить листве кружиться,
И по шуршащему ковру
Шагать спокойно, как по жизни,
Нам напоследок поутру.

И сил расстаться не имея,
О чем-то долго говорить...
В поникшей мокнущей аллее
В ладони капельки ловить.

Наверно, на прощанье надо
Не рвать надрезанную нить
И в неразгаданность шарады,
Скорбя о прошлом, уходить.

И при щемящем расставанье
Утихомирить сердца стук,
И жить учиться в мирозданье
Без наших встреч и без разлук.

Наверно, на прощанье надо
Пролиться горестным слезам...
И не искать в пустыне клада,
И не входить в сожженный храм.

***

Этот мир я морозный люблю!
Хорошо мне на старом балконе:
Я упавшие звезды ловлю.
Ждут в лесу меня белые кони.

Я булгаковской ведьмой взлечу
К журавлиным белеющим клинам.
В твой холодный дворец не хочу:
Там погасшие угли в камине.

Я на грешную землю вернусь,
И душа от восторга застонет,
И забытая сладкая грусть
Мягкой лапкой ладошку мне тронет.

Пусть снежинки на ветках блестят
И пушистые хлопья кружатся...
Крепко спит замороженный сад,
Снегири мне на плечи садятся...

***

«Мы только знакомы, как странно...»

Л. Пеньковский

Весенние лужи небрежно
Асфальт отмывают шершавый,
А небо разбрызгало нежность
На землю зеленою шалью.

Проснулась сегодня я рано,
И мыслей причудливых – сомны:
«Мы только знакомы, как странно,
Как странно, мы только знакомы».

А так ли давно поверяли
Друг другу мы душ откровенья?
Не знали тогда мы, не знали,
Как будут тоскливы мгновенья.

И вот мы прошли, как чужие,
Друг другу слегка поклонились...
А клятвы не нужно мне лживой –
Считайте, что Вам я приснилась.

Но сон этот будет все длиться
Ночами весной васильковой,
А я буду петь и молиться...
«Как странно, мы только знакомы».

Весна в ароматах душистых
Дремавшие чувства разбудит...
А сон был прекрасным и чистым,
Такого уж больше не будет.

***

Нам хорошо и благостно так было
Об истинах забытых говорить.
Я о своей тоске тогда забыла,
И не хотелось в ночь мне уходить.

Я о своей тогда забыла муке.
С тобой мы плыли в танце, как во сне...
В твоих руках мои лежали руки,
И прошлое растаяло во мне.

И мы с тобою оба понимали,
Что нас не зря судьба в тот день свела...
В седой туман мгновенья убегали,
А за окном разлука нас ждала.

***

В этот вечер музыка звучала,
И зачем-то чуда я ждала,
И с тобой зачем-то танцевала,
И зачем-то счастлива была.

А потом – ненужная дорога,
Ветер, ночь и в неизвестность путь.
Ты побудь со мной еще немного,
Хоть одну минуточку побудь.

Вот сейчас ко мне такси примчится,
Фарами блеснет из темноты,
И в осколки нежность разлетится,
Но постой со мною рядом ты.

Помолчим. Возьми мою ты руку.
Может, встреч не будет никогда.
И пусть ждет нас впереди разлука –
Этот миг запомни навсегда.

Было нам отпущено так мало...
Что же делать, милый? Погрусти.
Вот сейчас печально и устало
В темному умчит меня такси.

Прошуршат во тьме тоскливо шины...
Спрячь ты ото всех свою печаль.
Буду плакать я в чужой машине
И смотреть в пугающую даль.

***

Ах, эти белые ночи,
Шорохи пряной земли...
Сердце смириться не хочет,
Сердце поет и болит.

Запах цветущей сирени,
Всполохи где-то вдали,
И лиловатые тени,
Что мне на плечи легли.

Музыка что-то просила,
Нотой последней звеня.
Чье-то такси уносило
В белые ночи меня.

Всхлипами ноты звучали,
Смесью восторгов и бед...
Вы на дороге стояли,
Грустно смотрели мне вслед.

С неба осколки летели
Чьей-то разбитой звезды.
А впереди – акварели,
Белые сны и сады.

***

Поедем с тобой в листопадные страны,
Нас рыжие кони туда доvezут.
Там красное солнце, там грусть и отрада,
Там желтых коров на равнинах пасут.

Там яркие блики рябиновых красок...
Какая красивая это страна!
Там стану я юной и самой прекрасной,
Там плещется счастье в оранжевых снах.

Туда захотелось поехать мне очень.
Кружится от сладкой мечты голова...
Там встретит нас тихо янтарная осень
И под ноги бросит листья кружева.

Мы будем шагать по ним скромно и чинно,
Завязывать в узел словесную нить,
И нежно в ладони ловить паутину,
И блеклые астры друг другу дарить.

***

Подари мне мольберт, краски мне подари,
Я весну воссоздам на картине,
И пусть ночь под окном мне зажжет фонари,
И пусть сердце мое не остынет.

Все страдания мои пусть на холст перейдут
И очистится сердце от грусти,
А внизу, под окном, пусть ромашки цветут,
И хоть чуточку горе отпустит.

Подари мне мольберт, поскорей подари,
Так и просятся краски в сюжеты.
Просижу я в нирване до самой зари,
В бликах теней и яркого света.

***

Может быть, посмотреть за окно,
На шуршащий изломанный лед,
И понять: ничего не дано
И на помощь никто не придет.

Взять в ладони окошечный стук,
Унести запах вянущих роз
И погладить рукой пустоту,
Уходящую в шелест берез.

Взять тетрадку ненужных стихов,
Тихо сердце в строках искромсать
И, очистив его от грехов,
Напоследок письмо написать.

Все сказать о себе между строк,
Отыскать на окраине дом,
Положить на холодный порог
Сердце, сжатое в маленький ком.

Догадаться, что вовсе не мед
Жизнь подаст, а, быть может, удар,
Что никто никогда не возьмет
Мой подкинутый гибнущий дар.

Постоять в цепенеющей мгле
И понять, наконец, до конца:
На несправедной грешной Земле
Непорочные гибнут сердца.

***

Все пройдет: заседания частые,
Дача, отпуска дважды в год,
И карьера как призрак счастья...
Лишь любовь одна не пройдет.

Не казни ее равнодушием,
Горько плачет она в тиши.
Ты напрасно ее не слушаешь
И на помощь к ней не спешишь.

Все пройдет, лишь свирелью нежною
Будет помниться голос мой,
Да метели завесой снежною
Заморозят слова зимой.

Лишь осколки от нашей нежности
Кто-то ночью в пути найдет,
И звезда в голубой безбрежности
Больше к счастью не приведет.

Все пройдет, только боль неясная
Будет сердце в комок сжимать,
Только память волной напрасною
Будет прошлое оживлять.

И затопит тебя отчаянье
В пустоте равнодушных дней...
Не находкою я случайною,
А наградой была твоей.

Все пройдет. Что тебе останется?
Одиночества горький дым...
Ты проснешься на дальней станции,
Вспоминая, как был любим.

Анна... на сцене

(Репортаж о встрече с Аллой Ларионовой)

Тогда, в далёкие 50-е, о ней говорили: «Анна на шее». О ней – это об Алле Ларионовой. Аллой мы её тогда не называли. Потому что всегда хотелось назвать Анной. Поэтому называли просто Ларионовой. Фильм «Анна на шее» был в те дни каким-то ударом грома, молнией, звоном... Не знаю даже, как ещё назвать. Озарил он нашу бедную тогда послевоенную жизнь светом, радостью, красотой. Правда, критики говорили, что он был бы лучше в чёрно-белом цвете. А мы хотели его именно таким, цветным: с красивыми нарядными женщинами, с цыганским хором, с лодками на реке, с этим «Милая...» и с Анной (Ларионовой), с её непостижимыми, единственными, умопомрачительными глазами. И с тем вальсом, когда она... помните, исподлобья, снизу как-то, так, как никто, никогда, нигде, улыбалась этими своими особенными глазищами. А фигура... помните, портниха в фильме говорит этаким басом: «Не женщина – фея».

Смотрели мы тогда этот фильм не помню сколько уж: двадцать или тридцать раз. И все из-за неё, из-за Анечки.

Думала ли я, что через много лет увижу её, богиню, так близко, рядом, рукой подать. Она только что отыгра-

да в пьесе «Коварство, деньги и любовь», которую привёз в наш город театр Вахтангова, и, уставшая, стояла около гримерной, конечно, не такая уже молодая, но всё равно Ларионова, всё равно богиня. В каких-то особенных брючках и потрясающей шляпе. Сказала, что торопится, но потом всё же присела на подвернувшийся стул. Я решила хоть что-то спросить.

- Алла Дмитриевна, дочерей у Вас как зовут?

- Олеся и Ирина.

- Они тоже артистки?

- Боже упаси.

- Вы прожили счастливую жизнь с Николаем Рыбниковым?

- Очень, очень счастливую жизнь. Жаль, что его уже нет. Тяжело.

- В каких фильмах недавно снимались?

- «Пирамида», «Оружие Зевса», «Троцкий — враг народа». А вот где эти фильмы, не знаю. Куда-то канули.

- В каком театре играете?

- Работаю в театре киноактера. А в театре Вахтангова играю первый раз. Вы, можно сказать, мои первые театральные зрители.

- А как Вам наш Урал?

- Вы знаете, во мне течёт уральская кровь. Отец из города Аша Челябинской области. Так что я как на родине бывала.

После этих слов Аня, Анна, Анечка, мечта моих девичьих снов, подняв свой вздёрнутый (всё тот же!) носик, легко побежала в машину. Только шляпка её непосижимая мелькнула.

***

Умирают поэты, уходят поэты,
Одинокие в мире, в шумящей толпе,
В бликах рампы, огня и вселенского света,
Все неспетые песни свои не допев.

С обнажённой душой, что болит, словно рана,
Гениальные дети, шуты, чудачки,
Улетают они синеокою ранью,
С жизнью счёты сведя с чей-то лёгкой руки.

Как щемяща тоска, холод сердце объемлет...
Где родная душа, что согреет теплом?
Покидают они неуютную Землю,
Чтоб вернуться в стихах или песнях потом.

Не такие, как все, не понятные людям,
Смотрят с болью в глазах на распявший их мир,
Это только потом гений признанным будет,
А пока он – разбитый вандалом кумир.

Не бросайте камнями в раскрытые души
И не бейте словами, как будто хлыстом:
Будут живы поэты — не будет разрушен
Наш земной, приютивший нас временно дом.

***

Мир заполнился яркими красками,
Голубым стал, лиловым, сиреневым...
Шли по улице люди прекрасные,
Плыли в воздухе белые лебеди.

Голоса зазвучали хрустальные,
И в душе был восторг неиспытанный.
И внезапно принцессою стала я.
Белый конь бил у дома копытами.

Полыхали восходы рубинами,
И струился туман перламутровый.
Мчались мамонты с белыми бивнями,
И в душе было сладко и муторно.

Всё смешалось: секунды, столетия,
Направления правые, левые...
Просто стал самым лучшим на свете ты,
Просто стала я вдруг королевою.

Стали недруги вдруг симпатичными,
И слова все наполнились нежностью.
И движенья души романтические
Уводили в просторы безбрежные.

Гуси-лебеди звали в полёты нас,
Журавли в небе строились клиньями...
И влюблённых ковры с самолетами
Уносили в страну соловьиною.

Всё искрилось нездешними бликами,
Мир внезапно волшебной стал сказкою,
Пели ангелы с чистыми ликами –
Просто ты улыбнулся мне ласково.

Дорогому внуку Сереже

Последний звонок у Сережи,
Последний, заветный звонок!
И льются нежданные слезы,
И жизнь преподносит урок.

А детство незримо промчалось,
В туманные дали ушло...
Корабль в неизвестность отчалил,
И грустно в душе, и светло.

И бантиков белых качанье
Всё светом залило вокруг...
Корабль в неизвестность отчалил,
Но рядом – спасательный круг.

И фартуков белых сиянье...
Ах, этот последний звонок!
И мамы в печали стояли –
Всё в свой исполняется срок.

А были тетради и карты,
Учебники, споры, друзья,
Знакомые старые парты
И школьная ваша семья.

...Потом непременно взгрустнётся,
И в дом захотите прийти,
Где детство поёт и смеется,
И снег запорошит пути.

Но свет замигает в окошках,
Растопит бесчувственный лёд,
Протопчет вам в детство дорожку
И в школу вас вновь приведёт.

И взрослые девочки ваши
В свой класс, как и прежде, войдут,
И взрослые Лёши и Саши
Букеты цветов раздадут.

Вас встретят забытые парты,
И души затопит тепло...
Ах, школа — флажок наш на карте,
Мелодия счастья без слов!

***

А на рассвете в спальне — волшебство:
Со стразами атласные подушки,
И плюшевые милые игрушки.
А за окном — предзимья колдовство.

Там, на земле, — зверушечьи следы,
Как чьи-то замороженные беды:
Наверно, к нам пожаловали белки
И заселили белые сады.

В лесу от снега чисто и светло.
Там спрятался, наверно, где-то леший,
И снежных баб он суматошно лепит
Всем людям непроснувшимся назло.

И где-то там Снегурочка живет
И сказочные косы заплетает,
И под луной алмазами сверкает
Сковавший озеро блестящий лёд.

А на пороге — снова Новый год.
Потом наступят святочные ночи...
Моя душа покоя не захочет
И к Рождеству очищенной придет.

Снежинки запорошили балкон,
И на стекло Мороз наклеил астры,
И греет плечи мне платок цветастый...
Какой приснился мне прекрасный сон!

Дорогому Юре

Я не сплю, и светят звезды
Через штору на окне,
И часы кричат, что поздно,
Надо спать, но... выпал снег.

Снегири в окно стучатся,
И берёзы в серебре...
Первый снег — наш гость не частый,
И уснуть сегодня грех.

Но зачем-то спят сороки,
Зайцы спят, и лес молчит...
Всё в свои приходит сроки,
Но окно моё в ночи

Маяком для многих светит:
Пусть идут на огонёк...
Я усну лишь на рассвете,
Позабыв, как мир жесток.

Будет день морозно-синий,
И туманы у реки...
Я шагну в иглистый иней,
Чтоб играть с тобой в снежки.

***

Я люблю тебя, очень люблю,
Я люблю тебя пылко и нежно,
Белоснежный мой сон, белоснежный...
Не хочу просыпаться и сплю.

Я люблю тебя снежной зимой,
Когда белая вьюга колдует,
Когда ветер стремительно дует...
Ты не мой, ты не суженый мой!

Ну, и пусть! Все равно я люблю!
Это ж только во сне, а не в яви...
В небе яркие звезды сияют,
И я сплю, упоительно сплю.

Я тебе никогда не скажу,
Что недавно еще говорила.
Я сама этот сон сотворила,
А теперь из него ухожу.

Бились наши сердца в унисон,
И в единый порыв слились души.
Ты умел так внимательно слушать...
Это был только сон, только сон.

Я к щеке твоей чуть прикоснусь...
Не судите же, добрые люди!
Ведь никто тебя так не полюбит.
Боже мой, неужели проснусь?!

***

Как хорошо, что я сама
Мосты обманные спалила,
И что опять пришла зима
И всё в безмолвии застыло.

И что опять поёт метель
И снег мне душу снова греет,
И что тепла моя постель
И снится яхта с юным Грэем.

И неземные паруса
Ко мне несёт нездешний ветер,
И стали ближе небеса,
И по-иному звёзды светят.

И что опять придёт весна
И стану я, как прежде, нежной,
И, пробудившись ото сна,
Найду под ёлкою подснежник.

И будет лето, жгучий зной,
И я парео голубое
Возьму на озеро с собой
И из песка чертог построю.

И буду петь и танцевать,
И золотым песком бросаться,
И захочу принцессой стать
И непорочно остаться.

Всего достигну, что хочу:
Луну с небес легко достану,
К тебе жар-птицей прилечу,
И феей сказочною стану.

Отброшу грёзы и мечты:
И здесь, у нас, – сады Эдема.
И небывалой красоты
Куплю на праздник диадему.

***

Крадётся осень незаметно к нам,
И за окном — серебряные нити...
А где-то есть Париж и Амстердам,
А в прошлом — Рафаэль и Нефертити.

А я у жизни радости прошу,
Щемящей болью заполняю строчки,
И, так и быть, пожары погашу
В своей груди и стану непорочной.

Я в скошенные травы упаду,
Вдыхая аромат хмельного лета,
И пусть мою мне юность отдадут,
Подарят пусть пуанты для балета!

И стану я, как маленький олень
С испуганными грустными глазами.
И обовьёт зелёный хмель плетень,
И вдруг зажгутся канделябры в зале.

И зазвучит старинный менюэт,
Как в том дворце, где с Вами мы расстались...
Какой был упоительный балет!
А что осталось? Что осталось? Что осталось?!

***

Я тебя, возможно бы, простила,
Но душе не хочется прощать.
И леса ветрами обнажило,
И снежинки белые летят.

Ты, возможно, даже не заметил,
Что ушла в туман я голубой.
Не найдёшь меня на белом свете,
Хоть в одном я городе с тобой.

Жаль: чудес на свете не бывает
И безлики пасмурные дни.
Я б к тебе приехала в трамвае,
Да не ходят в городе они.

Я б пришла пешком, но много снега,
И замёрзнут ноги у меня...
И закрыли тучи тьмою небо,
И кареты нет, и нет коня.

Снег засыпал и леса, и горы,
И душа остыла без огня...
Будет неприкаянно и горько
У тебя на сердце без меня.

Просто ты пока не понимаешь,
Как тебе светила я в пути!
И пока потери не считаешь...
Вот и всё. Прощаю и... прости.

Жестокий романс

На стул перчатки брошу я небрежно,
В разлуке нашей нет моей вины.
И Ваши откровенья, Ваша нежность —
Всего лишь только призрачные сны.

Туманом и духами я дышала
И плавала в мечтаньях и стихах.
Упругими шелками прошуршала
Я в Ваших сновиденьях и грехах.

Скорей меха набросьте мне на плечи,
Подайте муфту, шляпу и манто.
Прощаясь с Вами в этот зимний вечер,
Надежду не оставлю ни на что.

В моём окне давно не видно света,
И время повернуть нельзя нам вспять,
А у крыльца уже стоит карета,
И кони в нетерпении храпят.

Мне нравится метели завыванье
И тройки привередливой разбег...
Напрасно это позднее свиданье,
Пусть всё скорей засыплет белый снег.

Я шла путём тернистым и нелегким,
О радости мечтая и моля...
Уйду от Вас холодной и далекой,
Закутанной в шелка и соболя.

***

Синий вечер печалью мне в душу озябшую просится
И в ладонях шершавых несёт то ли вздох, то ли стон.
Мягкой лапкой по сердцу опять заскребло

одиночество,

И застыл изваянием в тёмном углу телефон.

Я к нему не шагну, заглушу в своём сердце отчаянье,
Застегну на все кнопки кричащую душу свою.

Призрак счастья ко мне прикоснулся недавно

нечаянно,

Да, наверно, не место таким непокорным в раю.

Я тебе не скажу те слова, что давно приготовила:
Всем нам душу чужую в потёмках понять не дано.
Я напрасно дворец из коробочек спичечных строила:
В нём бездомно душе, неприкаянно, тесно, темно.

И запрятан дворец мой на самой безлюдной обочине,
На корабль, затонувший и всеми забытый, похож.
В тёмном бархате ночи оконные светятся точки,
Только ты всё равно этот хрупкий дворец не найдёшь.

Зря тебя из штрихов я, придуманных мною,
построила
И шагнула бездумно в обманную злую мечту.
Из кусочков разбитую склеивать вазу не стоило...
Всё в тумане растаяло, только ловлю пустоту.
И за призрачным счастьем бежать уже как-то
не хочется.
В доме в каждом углу торжествует теперь маета,
И к тебе тоже змейкой незримо ползёт одиночество,
И, ладошкой махнув на прощанье, уходит мечта.

***

А мне и этого хватит:
Осенних грустных закатов,
На праздник – нового платья,
Весною – грома раскатов,
Ночей, стихами поющих,
И птиц на утренней зорьке,
И Музы, рядом живущей,
Счастливой, чистой и горькой,
Зимой – блестящих снежинок,
А летом – жаркого зноя:
Волшебной будничной жизни,
Что очень многого стоит.
А Вы оставайтесь где-то,
За реками и горами,
Без песен, для Вас не спетых,
Без сказок в старинном храме,
Кудесники где и маги
Ведут в колдовские дали...
Живут стихи на бумаге
И нежность на память дарят.

***

По снежной я тропинке побреду
И солнца луч рукой своей поглажу,
И будет всё и радостней, и краше
В каком-то неподвижном году.

А вы меня забудьте, милый друг.
Зачем я Вам, такая вот чужая?
Я забываю всё и уезжаю,
И прячу чувства в старенький сундук.

Ах, да! Вы не хотите забывать?
Возможно, тоже я не забываю.
Сию я в замороженном трамвае,
Не знаю, где сойти, когда вставать.

Среди напрасных чувств и лишних слов
В эфире наше прошлое размыто,
И чистый белый снег в чужое сито
Собрал обрывки наших прежних снов.

А, может, солнца луч ещё блеснёт,
Ещё разбудит дремлющие токи,
И всё придёт в отпущенные сроки,
И сердце от печали не заснёт?

Я к Вам пойду по тоненькому льду,
Пока от слёз моих он не растаял...
А, может, с Вами вместе полетаем,
С трамвая вместе спрыгнем на ходу?

Пробродим мы до утренней зари,
Отыщем музыкальную шкатулку,
Французскую разломим вместе булку,
Чтоб расклевали крошки снегири...

***

*«Тайна моя, никто о тебе не знает...»
«Райские яблочки»*

Белый снег и весенний дождь,
Листопад и знойное лето...
Даже если ты не придешь,
Все равно прекрасно все это.

Все равно есть ты у меня,
И мы встретились не случайно.
И в душе так много огня,
И моя ты светлая тайна.

Дни загадочный знак таят,
Ночью звезды во тьме сияют...
Тайна светлая ты моя,
И «никто о тебе не знает».
«Я не скажу, не скажу, не скажу никому...»

***

Январь и снег. И много-много снега.
Январь и снег. И больше ничего.
Я в этот снег с горы лечу с разбега.
Хочу любви, и счастья, и всего.

Хочу в ладонях – маленьких снежинок,
На соснах – белок, на земле – ежей,
Чтоб не было в сердцах колючих льдинок,
На кухне – ненаточных ножей.

Чтоб подарил мне плюшевого мишку
Ты просто так, в любой хороший день,
Чтоб было на Земле светлей и чище,
Чтоб в январе в садах цвела сирень.

Чтоб было много маленького счастья,
Чтоб все зимой исполнились мечты,
А беды все исчезли в одночасье.
Ну, а сейчас – январь и снег... И ты.

Владислав Вихрев

Безвременник

Коллегам эндоскопистам

Как дар небес, безвременник
цветет,
Голубизною нежною пленяет,
Навстречу солнцу радостно сияет,
Холодный не страшит его восход.

Кивнет ему клематис свысока
Неяркой увядающей звездой.
Последнему садовому герою,
Быть может, позавидует слегка.

Вокруг голо. Шуршит засохший лист,
А он один красую поздней блещет.
И сердце благодарственно трепещет.
Все реже, реже слышен птичий свист.

Звездонад

Отплясала кадрили в сельском клубе за речкой,
Возвращались домой через лес в полутьме,
Бледный месяц зажегся изогнутой свечкой,
Осветил вдалеке чей-то сад и крылечко,
И предчувствие чуда проснулось во мне.

Поднималась тропа сквозь пшеничное поле,
Тишина взорвалась голосами судьбы –
Мои спутницы пели о девичьей доле,
О напрасных стараньях нежданного дроли,
Возносились к небу их песни-мольбы.

А тропинка виляла все выше и выше,
Крут в то время казался угор,
Вот деревни родной и деревья, и крыши –
Взобрались, а внизу – необъятный простор.

Где-то там – огоньков еле видимый лепет,
И густа, и тепла августовская ночь.
Что сулит темноты неосознанный трепет?
Быль иль небыль сейчас нас случайно приветят?
Ждать чего-то иль мчаться стремительно прочь?

Вдруг разверзлася тьма, небеса озарились,
Полоснул горизонт редкий гость-звездопад.
Знать не зря мои спутницы пели-молились,
Они знака внимания свыше добились,
Всяк свидетель его был восторжен и рад...

Отплясала кадрили в сельском клубе за речкой,
Возвратились домой в треволнительной тьме,
Звездопад озарил дом наш, сад и крылечко,
Он запал в мою душу надолго, навечно,
До последнего дня будет помниться мне.

***

*Низкий жанр, высокий слог –
По-иному, жаль, не смог.*

Весна красна. В саду цветы.
Разговорились тихо двое.
На фоне дивной красоты
Проснулись чувства и мечты,
Обоих взяли за живое.

Она – признаний нежных пыл,
Он ей отвечает с волнением –
Им Купидон свидетель был,
Стрелой без промаха сразил,
Следил за ними с вдохновением.

Невдалеке журчит ручей –
Он много помнит, много знает,
Немало слышал он речей, –
В кустах льет трели соловей,
От звуков сладких замирает.

Вот в разговор вступил рояль,
Повел раскованно и страстно,
Унял нежданную печаль,
Позвал в неведомую даль,
Где жизнь Божественна, прекрасна.

Девичий тучка морщит лоб,
Он взором светлым грусть развеет,
Стал для нее и царь, и Бог,
Все для нее он сможет, смог,
Как только он один умеет.

Весна красна. В саду цветы.
Сошлись в одном порыве двое.
Сбылись их грезы и мечты
На фоне дивной красоты –
Им вместе быть и счастье строить.

Русская печь

Хороша наша русская печь
В дни, когда торжествуют морозы –
Отогреет и душу, и речь,
И навеет и сказки, и грезы.

В деревенском нехитром быту
Занимает почетное место –
Здесь пристанище кошке, коту,
Здесь вздымается, дыбится тесто.

В нутряном, животворном жару
Может стать пирогом иль ватрушкой,
Иль желанным блином поутру,
Испеченным для внука старушкой.

Всей семье предоставит покой
И от хвори простудной излечит,
Коль истоплена доброй рукой,
Отдающей тепло свое печи.

Коль в печи веселится огонь,
А в глазах огоньки запылали,
Коль вздохнула, запела гармонь –
Значит, Святки пришли, заиграли.

По гостям ходит, бродит народ,
В теплых избах на блюдах гадают,
Где-то суженый девицу ждет –
Башмачок направленья узнает.

Хороша наша русская печь
В пору Святков, крещенских морозов –
Отогреет и душу, и речь,
И навеет и сказки, и грезы.

Владимир Волков

Симеон

Симеон богоугодный
К нам пришёл издалека.
Шубы шил зимой холодной
Православным мужикам.

Он молился о народе –
Друг печали и тоски.
Отдыхая на природе,
Он рыбачил у реки.

У его заветной ели
Медленно Тура текла.
Птицы песни ему пели
У Меркушина села.

И он жил, молясь и каясь,
Чтобы Бог нас всех простил –
Жизнь подвижника святая
Незавидна на Руси.

Бабиновскою дорогой
На Урал пришёл один.
Был, наверно, послан Богом
К нам опальный дворянин.

Видно, жил народ жестоко –
Богу кто-то рассказал.
В небесах своих высоких
Он про нашу жизнь узнал,

Что в грехе, не зная меры,
На Урале жизнь текла:
Симеон всем стал примером
На хорошие дела.

Тем, кто в прошлое не верит,
Словно в сказку или в сон,
Постучится нынче в двери
Преподобный Симеон.

И тогда вдруг вспомнит Бога
Наш измученный народ,
И извечная тревога
Обязательно пройдет.

***

Мама, мама, ты уже старушка,
А я будто бы не замечал.
Торопливо наливаешь в кружку
Мне с дороги крепкий, с мёдом, чай.

Я ведь, мама, сам уже не молод –
Дедом стал, – куда ещё древней,
И уже не чувствуется голод
К разноцветью уходящих дней.

Было б лучше, если бы приснилась
Эта жизнь в неясности своей.
Мама, мама, ты ж похоронила
Двух своих заблудших сыновей.

Я ж их повторяю, между прочим,
Но теперь стараюсь быть другим.
Хоть и жизнь моя порой не очень –
Не хочу я торопиться к ним.

Раз мы не умеем жить красиво,
Что ли к смерти надо привыкать?
Мама, мама, разве справедливо,
Что своих детей хоронит мать?

Не тревожь свою на сердце рану
И живи спокойно до конца –
Лучше водки выпить с полстакана
За усопших братьев и отца.

Шумом за окном весенний вечер
Мне напомнит тихую молву:
Братья пусть откладывают встречу –
Я ещё, пожалуй, поживу!

Колыма

Не нашёл я в книжках объяснений,
Почему – совсем не понимал –
Три барака на краю деревни
Называли словом Колыма.

Колыма – такая часть России,
Где никто не плачет о зиме.
Мне казалось, нет её красивей:
Детство я провёл на Колыме.

Во дворе, я это помню чётко,
Мужики обсиживали стол,
Ну, а мы ещё не пили водку
И гоняли целый день в футбол.

Колыма – не лагерный Освенцим,
Только жили здесь на тот момент
Бывшие «зэка» и поселенцы,
В общем, непослушный контингент.

Мы, когда немного повзрослели
И своей командой собрались,
С брагой под гитару песни пели
И с другой компанией дрались.

И росли, ещё хоть были дети,
Прибавляли мы себе года,
И, казалось, лучше всех на свете
Наша алкогольная среда.

Кто погиб, кого пересажали,
С водкой не ведя антагонизм –
Думали, что этим приближаем
Мы себе родной социализм.

Мне теперь не надо объяснений,
Как же я тогда не понимал?
Три барака на краю деревни
Называли словом Колыма.

Храм на крови

Двадцатый век забудется не скоро –
Плохое забывается с трудом.
Храм на Крови, как памятник позора,
Стоит теперь над городским прудом.

Храм на Крови – большая дань эпохе,
Где кровь лилась безумною рекой
И где от боли было очень плохо,
И эту боль не выразить строкой.

Храм на Крови – здесь памяти достойны,
Кому теперь мы можем сострадать.
Сюда, как скот, везли на скотобойню
Семью царя, чтоб ночью расстрелять.

Храм на Крови, – они ж на помощь звали
Людей и Бога в траурной ночи.
Здесь дом стоял, в котором убивали.
За что детей убили палачи!?

На плач в ночи все тихо промолчали –
Привыкли мы безропотно молчать.
Господь не внял, и выстрелы в подвале
На нас кровавую поставили печать.

Та кровь на нас, на всех, и с этой кровью
По жизни мы несём грехи свои,
Пока мы не поделимся Любовью
И новый храм построим – на Любви!

***

И снова снег, и снова холода,
Пришла зима, и никуда не деться,
И так порою хочется согреться,
Но к нам любовь приходит не всегда.

Уральский край! Суровый край любви,
Моей любви, с которой долго прожил.
Но я все чувства светлые свои
Отдам земле, что мне всего дороже.

Какая б нам ни выпала беда,
Какие б мы ни пережили слезы,
Нам обживать родные холода,
И нам любить уральские морозы.

Октябрьское

Приняв эстафету у жаркого лета,
Подарят последним теплом
Качели-весы, золотой двор монетный –
Любой с твоим миром знаком.

Прозрачен и тих, день стал меньше заметно,
Закат тороплив над холмом.
Качели-весы, межсезонья примета,
Нас в зиму уносят тайком.

Заморозило...

Заморозило все наши неурядицы,
Прегрешения и недоразумения.
Нам зима старается понравиться,
Принести в людскую душу исцеление.

Злоба тающей снежинкой растворяется,
Беспокойство закует льдом накрепко,
Страх всеильным лишь притворяется,
Можем жизнь переписать набело.

Зарисовки, навеянные взглядом из моего окна...

Мигнув на прощанье, дневное светило скрылось за сопкой. Потемневшие её склоны поёжились неуютно и зябко, а сосны вытянулись в полный рост в надежде поймать последний лучик, но его уже и след простыл. Он мчался по ту сторону горы, чтобы успеть возвестить приход нового дня другой, такой непознанно-далёкой, стороне света.

Небо над вершинами деревьев окрасилось немислимой гаммой красок. Переливы оттенков звенели мелодично: до свидания, до завтра, отдыхай... Они становились всё бледнее, всё ниже... Печально вздохнув, маленькая сопка стала готовиться ко сну... Встряхнула листьями, призывая вездесущий ветер - ведь он только

того и ждёт; ждёт, чтобы его позвали – примчаться, зашуметь, взьерошить ветки, причесать траву.

А наша принцесса погрузилась в блаженную дремоту и ожидание. Предвкушение завтрашнего чуда наполнило всё её существо, ведь оно происходило всегда, сколько помнила себя эта маленькая сопка. Обожаемое ею солнце никогда не опаздывало на свидания... Правда, иногда ему приходилось пробиваться к ней через тучи, туман, изморось, снегопад... Однако, оно никогда не оставляло без внимания свою подругу, а та, сладко потягиваясь в предрассветной прохладе, готовилась принять в себя первый робкий луч...

На западе замерцала первая звезда... Её голос был звонок и чуден... Она взяла первую ноту своей вечерней мелодии... Появившаяся следом подруга подхватила аккорд, затем как будто из ниоткуда возникла третья, с чарующим напевом – и вот уже всё бездонное небо наполнено переливами музыки и огоньков...

Сопка улыбнулась ночным проказницам и заснула под их нежную колыбельную...

***

Солнышко заглядывает в окна так приветливо, заманивая выглянуть наружу. Однако, с той стороны форточки притаился пронизывающий ветер, который, кажется, только и ждёт, когда вы высунете свой нос. Он тут же стремится ворваться внутрь комнаты, взметнуть до самого потолка занавески, сбросить листки бумаги со стола... Он сопротивляется, не хочет уходить... Вы всё-таки выдворяете его наружу, и он, обиженный, ещё долго-долго шумит неподалёку...

***

Заморозило окна, и мир сомкнулся до размеров одной отдельно взятой квартиры. Исчезли небо и земля, другие дома и люди; и входная дверь стала единственным звеном, соединяющим обитателей квартиры с окружающим пространством. Время от времени дверь эта открывалась, чтобы впустить очередного храбреца,

рискнувшего передвигаться сквозь жгучий и ветреный мороз. Через какое-то время дверь, сострадательно скрипнув, возвращала храбреца лютому холоду... И они вновь оставались вдвоём - человек и кошка, кошка, довольно мурлыкающая под настольной лампой и не подозревающая о превратностях простирающегося «там» бытия...

***

Идёт дождь - день, другой, третий... Может, начался очередной потоп, и дней этак через тридцать семь Земля обретёт первозданную чистоту и невинность?

Интересно, сколько людей вглядывается в этот момент в небо, надеясь отыскать хоть крошечный голубой просвет? Но нет, всё блекло и промозгло — сыро... По двору идёт, не спеша, чёрная лохматая собака; с её шерсти стекает вода... Кажется, собачка не слишком переживает по этому поводу... А вот прохожих не видно, нет таких смельчаков...

Капли барабанят всё сильнее по стеклу... Дома выглядят хмурыми - недовольны, что их поливают который день подряд: потом придётся сушиться. А пока они поёживаются, сутулясь и кряхтя... вот ворчуны... Впрочем, легко рассуждать, находясь у них внутри, где не льют сверху и не растекаются лужами под ногами холодные потоки...

Удивительно, что солнце идёт своим путём, не сходя с назначенного ему маршрута, но поди-ка отыщи его в этих набухших, как губка, небесах... А от леса на сопке поднимается туман... Чему тут удивляться - если вода идёт сверху, почему бы ей не двигаться и в противоположном направлении? Как говорится, что наверху, то и внизу...

Валерий Пенденёв

Ирония судьбы, или Акционеры

Строящийся объект пред-
сдаточной готовности.

В будущем холле на табу-
ретках и скамейках сидят че-
ловек тридцать рабочих стро-
ителей: кто-то в спецовках, а кто-то уже и переоделся.
Сидят спокойно: до конца смены ещё с полчаса. Не-
сколько мужичков курят у раскрытых окон. Вот-вот нач-
нется собрание прорабского участка. Появился прораб.
Он сосредоточен, внутренне волнуется, но в располо-
жении духа. Курильщики побросали окурки в окна и ус-
троились на подоконниках.

- Итак, товарищи строители, со вчерашнего дня все
вы, то есть мы, стали акционерами, - начал собрание
своего участка прораб Семён Брагин.

- Слава Богу, хоть не милиционерами, - выкрикнул
несознательный балагур стропаль Тит Удавкин.

- Но и не миллионерами, - «промяукала» ехидная
крановщица Кузькина Манька.

- Да как уж нас только не обзывали: и «бригадно
подряд», и «коллективно подряд», еще вчерась все под-
ряд были арендаторы, и вот на тебе! Все подряд - рик-
цанеры! Дожили! - махнул рукой ветеран участка, «ак-
сакал», плотник Мокей Выдерга.

- Тише, товарищи, тише! - постучал ладонью по сто-
лу Брагин. - Давайте организованно всё обсудим. Разве
же вам неинтересно?!

- Да надоели вы... Чего тут интересного... Бодяга...
Развели тут антимионии. Враньё тут начальское слушать...
- понеслось со всех углов.

- Партею эту вашу разогнали, а вы опять: «Рикца-
неры, революционеры», - назойливым шершнем гудел
«аксакал» Мокей.

- Да при чём здесь какая-то партия? - разозлился Семён. - Сегодня вообще все равны.

Выбирай друзей на любой вкус: хоть красного, хоть белого, хоть зеленого - понимаешь ли!

- Или «голубого», - захихикала Кузькина.

- Это тебе что ли? - захохотал Удавкин.

- Ну уж нет! Нам, бабам, красного, ядрёного подавай! Плюнь на него, чтоб зашипело! А эти дохляки зелёные, белые, голубые - на лекарства разоришься... Нет, это не для меня.

- Товарищи! - хлопнул кулаком по столу Семен. - Прекратить! Не устраивайте балаган.

- Правильно, Артамоныч! Давай рассказывай, - раздалась выкрики. - А то на «Бандитский Петербург» опоздаем.

- Упоминание о «Бандитском Петербурге» сразу привело в чувство и Кузькину, и других женщин, затихли и мужички.

- Товарищи, - «покхыкав», начал Брагин, - я начну с того, что не соглашусь с Кузькиной. - Все опять заулыбались, заерзали. - Нет, нет, не в отношении того самого, а в отношении её реплики, что, мол, «не миллионерами...».

Он сделал глубокомысленную паузу и рубанул воздух ребром ладони.

- Вот как раз многие из вас, у которых стаж больше 10 лет, станут обладателями акций на 100 тысяч рублей. Вот оно как, товарищи!

С Манькой стало плохо: она побледнела, рот открылся, глаза округлились: «Ой, неужели и я тоже «миллионщица»!

- Вот именно, Кузькина! И ты, и многие другие стали теперь совладельцами нашего с вами акционерного имущества. Теперь нет нам ни Министерства, ни Главка, никакой другой холеры. Мы теперь сами - коллектив совладельцев.

- Это что же, как в колхозе, что ли? - опять зарокотал Выдерга.

- Э! В колхоз-то силой загоняли да всё отбирали в «общий котел». А здесь-то всё наоборот - приватиза-

ция. Было ничейное, то бишь государственное, а теперь каждому трудовому элементу долю определили, разделили по заслугам.

- А трудодней-то не заведут? А то опять вместо денег и зерна палочки в тетрадке будут ставить? - не унимался все повидавший за долгую жизнь подозрительный Мокей.

- Чего заработаем, то и наше будет, - сказал Семён.

- Так вот, нонча из колхозу-то, сказывают, людей отпускают и долю дают землёй или ещё чем, - донимал «аксакал».

- Я выхожу из стройки! Отдайте мне мои 100 тысяч! - вдруг закричала Кузькина. - Куплю себе шубу норковую.

- Это не положено. Долю взять нельзя. Твоя доля отражена в твоих акциях, - начал прораб.

- Как это - отражена! Доля есть доля! Отдай её мне - и не грехи! - распалилась Манька.

- Опять людей дурят! - выкрикнул Тит. - Себе опять нахапают, а на нашу долю - в бумажке отражение.

Люди загудели: конечно, начальство вон себе и трактора, машины скупают по дешёвке, а нам - опять бумажки...

Брагин старался перекричать своих подчинённых: «Каждая акция при ликвидации предприятия даёт право на долю... даст право голоса на общих собраниях, каждый может быть избран президентом общества!»

- А ты можешь? Ну этим, президентом? - спросил Мокей.

- Ну, куда мне? - растерялся Брагин.

- Ну, а куда же нам в президенты? - закричала Кузькина. - Отдайте мне мою долю!

- А могу я себя выдвинуть на мастера или прораба, например? - спросил Удавкин.

- Нет, нельзя. Вот в президенты можно, а мастером нет. Мастером назначает руководство, мастером может быть специалист. Хотя с другой стороны... - Брагин начал путаться, теряя уверенность на глазах.

- А президентом, выходит, любой болтун может?! Мастером нельзя, а президентом можно! Где вы, люди,

такое видывали?! - визгливо закричал ошарашенный новостями бульдозерист Подскребайлов.

- Отдайте мне мои 100 тысяч, а не то я вам такое устрою, завтра всех баб подниму! - завопила Манька и, бросившись к столу, схватила Семёна за грудки.

- Да я-то здесь при чём? Где я тебе деньги возьму? Я ведь и сам такой же, как вы, - ничего у меня нет! - заголосил Брагин, отбиваясь от потерявшей рассудок крановщицы.

Мокей оттащил от Семёна брыкающуюся Маньку. Её усадили на первом ряду, побрызгали на лицо водой, дали глотнуть... Кузькина постепенно успокаивалась, но всё еще подвывала: «Гады, зажилили мою шубу... У самих и жены, и дочки, и...»

Семён, обхватив голову ладонями, угрюмо сидел за столом. Потом он вдруг вскочил и показал кулак в окно кому-то:

- У, оборотни ненасытные...

Ему стали кричать из зала:

- Да брось ты, Семён! Не бери в голову! Ты мужик свой! Мы тебя уважаем! Ты рабочим человеком не брезгуешь! Живы будем - не помрём! Держись, Семён!

- Мы, Семён, ведь не на тебя обижаемся. Успокойся, - подвёл черту собранию «аксакал» Мокей. Ну, нехай, будем обзывать акционерами. Наше-то ведь дело телячье: обоср...ся и стой!

-II-

Кабинет начальника строительного управления.

Дым стоял коромыслом. Сценарий предстоящего первого собрания акционеров наконец был утрясён.

Бывший партийный секретарь, а ныне главный специалист по работе с кадрами Собакин ещё раз проинструктировал председателя профкома Юрика Дурко:

- Так ты понял? Подготовь человек пять-шесть выступающих из надёжных. И после каждого болтуна или демагога будешь их подпускать.

- Понял! Всё будет исполнено.

- А как с «голосом народа из зала»?

- Все отработано: Быстраков - «Нам второго Чубайса не надо!», Балдасов - «Наш директор во всём первый», Бухаев - «Прекратить прения!» и «Мы им покажем кузькину мать!» Инструкции (когда выкрикнуть) им даны.

- Хорошо! Ну что, товарищи, будем считать, что заседание партбю..., тьфу ты черт, этой... самой... рабочей комиссии по проведению собрания акционеров закончено.

-III-

Актальный зал строительного управления.

В зале человек двести. Делегаты в основном приодеты. Кто-то обеспокоенно насторожен: что-то день грядущий нам готовит? Кто-то неестественно фальшиво весел: где наша не пропадала!?

В президиум собрания по подготовленному Собакиным списку были избраны Собакин, Дурко и директор Бесбулдыгин.

Председательствующий Собакин предоставил слово для доклада Бесбулдыгину. Тот говорил долго и нудно, и делегаты, уставшие на трудовой смене, разомлевшие с мороза в тепле, стали клевать носом. Наконец он закончил. Человек десять в зале, Дурко и Собакин жидко заплодировали. Кто-то хлопнул по спине заснувшего Быстракова. Тот резко дернулся, вскочил и с испугу проорал:

- Нам второго Чубайса не надо!

В зале захихикали. Бесбулдыгин застыл с открытым ртом. Быстраков очумело тарачил глаза на Юрика. Тот покрутил пальцем у виска и сымитировал плевок в его сторону. Собакин стукнул кулаком по столу:

- Быстраков, соблюдай порядок. Хочешь выступить - иди на трибуну. Быстраков плюхнулся на сиденье и спрятался за спины впереди сидящих.

- Начинаем обсуждение доклада. Первым записался на выступление бухгалтер товарищ Яичкин, - объявил Собакин.

- Товарищи, доклад товарища Бесбулдыгина настолько полный, содержательный, убедительный, что

даже и обсуждать его не вижу необходимости. Думаю, что нам его необходимо только дружно поддержать. Также я предлагаю избрать товарища Бесбулдыгина президентом нашего акционерного общества. Думаю и надеюсь, что других мнений не будет, - закончил свою короткую, но содержательную речь бухгалтер Яичкин.

- Правильно! - завопил из зала Бухаев. - Прекратить прения! Мы им покажем кузькину мать!

- А при чём здесь Кузькина?! А то всё - Кузькина да Кузькина! - вскочила с места делегат крановщица Кузькина Манька.

Зная характер Кузькиной, Собакин затарабанил линейкой по микрофону и потребовал:

- Кузькина, если хочешь выступить, иди на трибуну или сядь! А не то выведем из зала.

Хулиганить я как секрет..., тьфу ты чёрт, как председатель собрания не позволю!

Кузькина неожиданно легко согласилась выйти на трибуну.

Девки, мужики, послушайте сюда! Дед Мокей, наш столяр, все вы его знаете (зал одобрительно загудел), растолковал нам, что акционерное общество все равно как колхоз. Но лично я в одном колхозе с захребетниками и трепачами, вроде Собакина и Дурка, быть не собираюсь...

- Скатертью дорога. Держать не будем, - вставил бравый Собакин.

- Правильно! Прекратить прения! - завопил Бухаев.

- Заглухни давай. Крой их! Мать их в душу! - понеслось из зала.

- Мы с бабами посоветовались и решили, что председателем нашего колхоза нужно избрать меня, - продолжила Кузькина и добавила: - и мужики не против.

- Это что же: «самозванцев нам не надо - председатель буду я»? - съехидничал Собакин.

- Меня бабы, народ выдвигает, - не сдавалась крановщица.

Из зала стали кричать: «Даешь Кузькину!»

- Ну, хорошо. Кузькину вносим в список кандидатур, - вынужден был ответить Собакин.

- Правильно! Прекратить прения! - завопил Бухаев.

- Слово предоставляется ветерану коллектива товарищу Горошило, - с радушной улыбкой на лице торжественным голосом объявил Собакин.

На трибуну, стучая клюкой, поднялся бывший охранник Клим Горошило, который всю свою сознательную жизнь (как он любил часто выражаться) «ловил мертвой хваткой воров и других расхитителей социалистической собственности».

Он степенно водрузил очки на нос, вынул из кармана многократно сложенную бумажку, долго разворачивал ее и, наконец, медленно, скрипучим голосом, почти по складам начал читать свою речь:

- До-ро-гие и вер-ные мои соратники, - он сделал паузу и продолжил, - в сегодняшний знаменательный день мне хочется отметить особую роль нашего бесценного и родного руководства. Мы подошли к этому рубежу благодаря их удивительной проворливости, - произнеся такое знакомое ему слово, он машинально добавил: - мертвой хваткой! - и замолчал. Старик размягчился, воспоминания нахлынули на него, на глазах блеснули слезы.

Балдасов, видимо, посчитал, что старый охранник свою речь завершил, и, как было условлено, гаркнул:

- Наш директор во всем первый!

В зале раздался хохот, за столом президиума Собакин и Бесбулдыгин возбужденно трясли перед лицом Юрика растопыренными пальцами.

- Юрик, весь красный, подбежал к разомлевшему отлавливателю воров:

- Вы что-то напутали, Клим Фомич...

Клим резко дернул руками, как игрушечный деревянный акробат, которого дернули за веревочку, стукнул клюкой Юрика по животу, а другой рукой сбил с трибуны стакан с водой, облив Собакина, и фальцетом раздраженно выкрикнул:

- Так я же, язви тебя в душу, чего ты мне написал, то и читаю, - и, апеллируя к залу, забрызжал слюной, - сам, понимаешь, говорил: одобрено руководством... Клим Горошило дисциплину знает!

- В зале хохотали в лежку. Юрик был в полуобморочном состоянии. Он выхватил у старика бумагу и, тыкая в нее пальцем, выкрикивал:

- Читай... Ты... Старая кало... Здесь же написано «их удивительной прозорливости». Ну? Чего же ты? А?

- Правильно он все прочитал, - кричали с мест, - это же надо. Мертвой хваткой! Хряпнул дед их мертвой хваткой! Юрику вынести благодарность за текст!

- Правильно! Прекратить прения! - завопил Бухаев.

- Да заткнись ты, идиотина! - закричал Юрик.

- Выгоню из председателей, подлец. Пойдешь работать инженером, - прорычал ему Бесбулдыгин.

С первого ряда к столу президиума подбежал инспектор Живопыркин и стал что-то быстро говорить Собакину. Тот одобрительно хлопнул инспектора по плечу и взошел на трибуну.

- Товарищи делегаты, от председателя мандатной комиссии поступило сообщение: в зале нет кворума. Поэтому собрание прерывается и переносится на другой день. Все!

Расходились без сожалений, весело.

Елизавета Натальяна

Тайна старого дома

Поёт взволнованно рояль,
Даря аккорды тишине.
Дрожит под музыку хрусталь.
И, отражаясь при луне,
На полированный паркет
Ложатся тени прошлых лет.

В тумане пыльной суеты
Раскаты смеха, лёгкий флирт,
Мерцанье шёлка и цветы,
Холодные, как мрамор плит.
Живёт движеньем старый зал,
И прошлое здесь правит бал.

Наутро первый яркий свет
Пронзит идиллию миров,
Сотрёт улики прошлых лет,
Сменяя призрачных богов.
Сжигает солнце тайну снова
Давно заброшенного дома.

***

Земля, просыпаясь от долгого зимнего сна,
Теплом тихо дышит. И, солнца лучами играя,
Ей хор звонких птиц напоёт, что вернулась
весна,
Неся с собой свежесть. Смеётся весна молодая:
Ручьями, что снегом тяжёлым недавно лежали,
Капелью, сбегаящей с пик из хрустального льда.
И те тополя, что вчера от морозов дрожали,
Стряхнули снега, до зимы проводив холода.

***

Я хотела бы взлететь птицей,
Но мне крылья не даны Богом.
Я хотела в никуда скрыться –
Не сумела отыскать дорогу.

Растоптала, оскорбив чувства,
Тех, кто больше всех мне был дорог.
А, очнувшись, поняла с грустью,
Что назад мой путь будет долог.

Я хотела полюбить сердцем,
Но оно глухонемым стало,
Равнодушным, дерзким иноверцем,
Не оправдываясь, застучало.

Ты сумел меня вернуть к жизни...

***

Вам приходилось до безумия любить?
Так глубоко, что в чувстве тонет разум?
Он им обьят, он ослеплён, жестоко связан,
Он молит сердце о любви забыть.

Вам приходилось быть рабом любви
В круговороте необдуманных поступков?
И даже им есть оправдание рассудка –
Призыв безумный – жажду утолить.

А это чувство крыльев за спиной,
Несущих в небо? – Ощущенье счастья.
Когда есть крылья, то весь мир подвластен,
Когда есть счастье, то и мир другой.

Любовь жестока, так же как сильна, –
Паденье вниз с мольбою не разбиться.
Но этот страх без памяти влюбиться
Своим приходом вылечит она.

***

В тёплом воздухе летнего вечера
Только ты, только я и Луна.
Нам друг другу сказать больше нечего,
Вместо нас говорит тишина.

В доказательствах истинной верности
Недоверием губим себя,
И в порывах удушливой ревности
Ты ломаешь меня, я – тебя.

Между истиной и подозрением
Побеждает логичный абсурд.
Обвенчавшийся наспех с презрением,
Он берёт на себя ложный суд.

Удивительна жизнь, переменчива,
Наши души так были близки.
Но судьба далеко не застенчива,
И кромсает сердца на куски...

***

Я видел Вас во сне... Пушистым снегопадом
Вы были удивительны, божественно легки...
Был тихий зимний день с февральским ароматом,
Вы весело кружились, я Вам читал стихи...

Я видел Вас во сне... Весеннюю капелью –
Бриллиантовые слёзы прощавшейся зимы,
Вы пели в унисон с весёлой птичьей трелью,
Я улыбался миру за то, что в нём есть Вы...

Я видел Вас во сне... Июльским тёплым ливнем –
Поэзию природы, молниеносных гроз.
Рождённая мечтой и сновиденьем дивным,
Выплыли ароматом дождём умытых роз...

И сидя на скамье под жёлтым листопадом,
Я думал о любви больших, печальных глаз,
Чья сила навсегда мне стала сладким ядом,
Чей вкус мне не забыть – Я вспоминал о Вас.

***

Я прощаю тебя, как прощают на небе,
За потраченный нами бессмысленно век,
За иллюзию счастья, что больше не греет,
За уставшую нежность... Родной человек,

Я прощаю тебя. В тот же миг ненавижу
За любовь, что не вынесла тяжести лет...
Одинокие люди – всё, что я вижу,
В темноте робко ищут дорогу на свет.

Я прощаюсь с тобой, как прощаются люди,
Уходя на войну в свой последний маршрут...
Нас с тобой справедливо лишь небо рассудит,
А пока мы там лишние, нас там не ждут.

***

Листья сентября –
Цветы янтаря,
Падают словно с небес...
Им бы всё летать,
О зиме не знать.
Жаль, не бывает чудес...

Ворох осени,
Остроносые
Листья в ладонях твоих...
Как вопросами
Безголосыми,
Где нет ответов прямых...

Время – ровный курс,
Замедляет пульс
Памяти, веры, мечты...
Ты уже не ждёшь,
Как капризный дождь,
Просто оставишь следы...

Листья сентября
Иногда хитрят,
Чтобы продлить краткий век:
Залетят в окно,
Но и там найдёт
Их неизбежности бег...

Монолог, посвящённый другу

А это ты, вздыхая, как старик, располагаешься в кресле. А собственно, почему как? Тебе уже много лет, у тебя отдышка от долгих прогулок, и ты ворчишь по каждому поводу и без него.

А помнишь, как всё начиналось? Мы ходили вместе в парк, ты позорил меня перед моими подругами, заставляя падать в снег лицом, а потом бегать кругами вокруг замёрзшего фонтана в попытках поймать тебя. Я не имела права голоса, я только пыталась его подать, как ты тут же давал понять, кто главный. Я всегда делала то, что ты хотел. Ты был во главе нашей банды. Ты всегда указывал, что надо возвращаться домой, а моё слово было пустым звуком. Помнишь? Ты наслаждался свободой, а я бегала и призывала тебя к разуму, смеясь и плача в одно и то же время.

Помнишь, как мы пошли гулять, и я надела кожаное пальто моей мамы? Очень модное и дорогое? Тебе было всё равно. Ты взбесился и, содрав его с моих плеч, утащил в конец парка, где разодрал на куски, наказывая меня за своеволие, а потом смотрел, как я буду реагировать. А я плакала и смеялась. Ведь ты был таким смешным в своём гневе. Я пыталась тебя образумить и научить хорошим манерам, но ты не поддавался, ты только дразнил меня. Теперь я понимаю, что это было частью твоей игры. Помнишь своего друга Сэма? Ты не церемонился даже с ним, когда одним летним днём сбросил его в фонтан, несмотря на то, что он не умел плавать. Ты просто развлекался, как обычно.

Но однажды ты сбежал и решил завоевать весь мир в одиночку. Целый месяц я не знала, где ты. Мне было грустно и больно, пока тебя не было рядом. Я думала, что жизнь несправедлива и что ты просто предательски покинул мой мир. Но ты вернулся. Всё пережил и вернулся, вновь продолжая свои игры, в которых я была ведомой.

Время шло, и мне уже не 15 лет, как раньше, я не смотрю на тебя с нескрываемым обожанием, а заставляю делать то, что ты должен. Ты прислушиваешься,

но не подчиняешься. Иногда мы ссоримся, и ты просто уходишь и не слышишь меня. А я... Я продолжаю обождать тебя и звать к себе. Я всегда скучаю, когда твоего звонкого голоса не слышно поблизости.

А сейчас ты рядом, вздыхаешь и смотришь своими мудрыми и старыми глазами. Ты принимаешь меня как равную, и я это чувствую. Ты прислушиваешься к моим словам и в большинстве случаев делаешь именно так, как я говорю. Ты любишь меня, я знаю, а я люблю тебя. Ведь мы росли и познали этот мир вместе. Пусть по-разному.

Ложись, располагайся, как тебе удобно. Если честно, мы давно уже отвели это кресло под твоё личное пользование. И, пожалуйста, не смотри на меня своим взглядом, таким умным и печальным взглядом старой собаки, которая родилась, выросла, а потом старела и, скорее всего, умрёт на моих глазах.

2004 год

Иван Овчарук

Екатеринбург

***

Свои и мысли, и мечты,
Все человеческое, святое,
Учитель мой, мне отдал ты,
Ни сна не зная, ни покоя.

Открыта мне душа твоя,
А в ней и лето золотое,
И переливы соловья,
И свет, и небо голубое.

Ты сеешь доброе всегда
В потоке строчек, слов и чисел.
Бегут ступеньками года
И разлучают нас, учитель.

И недосуг нам всё теперь
На огонёк к тебе зайти...
А у тебя открыта дверь...
Прости, учитель, нас, прости.

***

Идут года. Я сверстник дней,
В огне горящих, грозных, трудных,
Когда отец, надев шинель,
В военных растворился буднях.
Услышав первый детский писк,
Он уходил, глотая слёзы.
Ушёл в меня, ушёл в берёзы,
Ушёл в гранитный обелиск.
Присяду рядом, помолчу...
Какие сны ему там снятся?
И так захочется прижаться
Щекой к отцовскому плечу...

***

Смотрю всё чаще на дорогу,
Обиду, боль в душе тая.
Приди, голубка! Хоть немного
Побудем вместе – ты и я.

Пойдём вечерним тихим садом,
Где дремлют нега и покой.
Как хорошо, когда ты рядом,
Легко так дышится с тобой.
Смотри, как звёзды ярко светят
В бездонной неба глубине...
И ты – звезда, одна на свете,
Горишь, прекрасная, во мне.

***

Если слышу про домик
И про окна, что в сад,
Я, как малый ребёнок,
Улыбаюсь и рад.
И, как в детстве далёком,
Босоногом моём,
Пробегаю вдоль окон,
Залетаю в наш дом.
И, как прежде бывало,
К сердцу мамы прильну,
Подружусь с сеновалом
И в любви утону.
Я, как малый ребёнок,
Улыбаюсь и рад,
Если слышу про домик
И про окна, что в сад.

Другу

На свете есть пословица такая:
«Скажи, кто друг, и я скажу, кто ты».
Тебя, родной, я другом называю,
С тобой все мысли, планы и мечты.
Я знаю: радость пополам поделишь,
А ношу горя взвалишь на себя.
В любом большом и малом деле
Я смело полагаюсь на тебя.
Сегодня слов прекраснее не знаю,
Точнее слов, уверен, не найти.
Я по тебе шаги свои сверяю,
С тобой в разведку я могу пойти!

***

Вот говорят, что нам осталось
Два понедельника и матушка-среда,
Что вот уже подкралась старость,
Но мы всем скажем: «Ерунда!»
Ну, подойди, осмелюсь, ну, попробуй
К любому прикоснуться хоть на миг,
И ты поймёшь, какой высокой пробы
Любой из нас и как же он велик!
Неужто седина наводит разговоры?
Но сути изменить не может и она.
Ведь надо видеть: ах, какие взоры
Влечёт к себе шалунья-седина!
Пусть говорят, что нам осталось
Два понедельника да матушка-среда...
Нас не застанет дома старость,
Мы ого-го и даже хоть куда!

***

Жизнь прошла под словесным обстрелом
И на мушке у пристальных глаз.
Был, как лев, осторожным и смелым,
И, поверьте, друзья, ради вас.
Мне хотелось, чтоб счастье сверкало
Между нами и в наших глазах.
Чтобы радостно сердце стучало,
Не узнав про невзгоды и страх.
Мне хотелось, чтоб делалось дело
И чтоб было нам всем по плечу...
Я не прав: мне не только хотелось –
Я и нынче того же хочу.
Я хочу, чтобы что-то большое
Поселилось навеки меж нас.
Жизнь моя, ты не знала покоя,
Оставайся такой и сейчас.

***

Я жизнь свою, как песнь, прожил,
Горя в труде и всех любя...
Лишь внешне я других судил –
По сути я судил себя.

Евгений Санатин

*Из цикла стихов
«Люблю профессию свою!»*

***

На стройке, как всегда, ворчат,
И нет предела разговорам,
Что не подвозят кирпича,
А есть кирпич, так нет раствора.

У нас всё кто-то виноват,
Бушуем в ложном возмущенье.
Закон один, как говорят, –
Найти козла для отпущенья.

Хотя дома сдаём порой
Мы с недоделками, но всё же
Для новосёла угол свой
Всегда чужих дворцов дороже.

Люблю профессию свою!
Я новой жизни строю зданья.
Не разрушаю – создаю
И славлю подвиг созиданья!

***

День-деньской на ногах, целый день разговоры
да споры,
Кто-то ждёт чертежи, где-то нужен толковый совет.
Я - куратор, друзья, и знакомых моих - целый город,
Каждый руку пожмёт и с улыбкой помашет мне
вслед.

Строю людям дома там, где было и пусто, и голо,
Где весенней порой пели песни хмельные скворцы.
Как приятно встречать заселяющих дом новосёлов,
Самому возводить достающие небо дворцы!

Я – Новоуральска прекрасного житель,
Его не любить мне нельзя.
Горжусь, что профессию выбрал –
Строитель!
И вами горжусь я, друзья!

***

Вечеринка, а радости нет,
Точно свадьба без тостов и споров.
Проработав у нас много лет,
Друг уходит в другую контору.

Бурлаком, впрягшись в лямку свою,
Через все передрыги и мели
Тяжелейшую стройки ладью
Мы тянули вперёд, как умели.

И не ради похвал и наград –
За глоток и кусок хлеба жалкий –
Возводили прекраснейший град,
Что стоит над рекою Бунаркой.

Лучшей доли искать не грешно,
И не зря так придумал Создатель.
Я и сам убежал бы давно,
Да боюсь, что все скажут: «предатель».

Пусть светло будет в жизни твоей,
Деньги в руки летят листопадом!
Если вспомнишь про старых друзей,
Приходи к нам – всегда будем рады.

Светлана Михалева

Треугольник страсти

Сердце стучало так громко, что отдавалось эхом металлических кроватных пружин. Кровать, совсем недавно старая и немодная, месяцев шесть назад с лёгкой хозяйской руки обрела статус антиквариата. Всё изменилось в жизни Жанны, когда появился Адольф. Даже никелированные кроватные шпешечки отчего-то лукаво заподмигивали, вернув свой поблёскивающий свет.

Жанна вздохнула и повернулась на правый бок. Пружины при движении запели, покачивая стремящееся к покою тело. Усталость склеивала ресницы, но отсутствие Адольфа тревожило, не давая уснуть.

Она вспомнила, как он появился в её жизни. Широколобый блондин с голубыми, цвета небес, глазами. Познакомившись, он в тот же вечер повёл Жанну в модный ресторан. Маленькими деревянными палочками они ели традиционные японские суши - рисовые шарики с разнообразными начинками. Слушали японскую музыку. Его манеры пленили её ровно настолько, чтобы согласиться лечь с ним в постель. Не больше - прежние её жизненные партнёры не оставили ничего, кроме разочарований. Впрочем, их было всего два. Разве это много для современной раскрепощённой женщины? Мир иллюзий давно прошёл, оставив горький осадок и твёрдую убеждённость в бесперспективности супружеских отношений.

Когда Жанна приглашала его в свой дом, она была уверена - на один вечер. Но что-то, видимо, не учла, или Адольф оказался не таким, как другие, и вечер изменил всю её жизнь. Иллюзии юности вернулись, самостоятельно и уверенно поселившись в Жанниной двухкомнатной квартирке. Вместе с иллюзиями на ночном столике появилась высокая ваза, заполняемая каждые два-три дня свежими благоухающими розами. Именно тогда кровать приобрела статус антиквариата, а вечера стали начинаться со споров о том, есть ли лю-

бовь на свете. Он шептал ей прямо в розовое ушко, обвитое лёгким локоном светлых волос, слова признаний о сжигающей его любви. Она устало улыбалась в ответ, твердя, что всё проходит, что люди страсть называют любовью, которой в природе не существует. А страсть уходит, как, впрочем, всё на свете.

Сначала она сопротивлялась его присутствию. Требовала, чтобы он отправлялся домой, но потом, устав от бесполезных слов, прислоняла голову к его груди и засыпала. Сладкое тепло умиротворённости снисходило на неё, когда он гладил её по-детски мягкие волосы.

Прошли три незаметных месяца - бурно-спокойных, очаровательных. Она сдалась и, забыв старую житейскую мудрость - выходя замуж, женщина меняет признательность всех мужчин на безразличие одного, сделала свой выбор...

Букеты стали приноситься реже. Сама же Жанна с удовольствием начала надевать кухонный фартук, хотя рестораны никто не отменял.

И всё бы вошло в стабильно-семейное русло, если бы однажды Адольф не пришёл с работы позднее обычного. Сначала Жанна не обратила на это внимания. Но через два дня это повторилось, а потом ещё через три...

Поздно вечером он, крадучись, пробирался в квартиру, наскоро умывался, ложился рядом и поворачивался спиной. Она, сдерживая чувство ненужности и обиды, делала вид, что крепко спит и ничего не слышит. А утром, после трели будильника, он, вскакивая и торопливо накидывая на себя рубашку, старался не смотреть ей в глаза.

В один из одиноких вечеров позвонила подруга. Звонкоголосая Анька выпорхнула из какой-то другой, яркой и счастливой, жизни. Там, в далёком детстве, её называли «Свет несущая»:

- Жанночка, извини, давно не звонила. Так соскучилась-соскучилась. Дай, думаю, напомним о себе.

Хоть и поздно уже - простишь? Поболтаешь с любимой подругой?

- Анечка, молодец, что позвонила, а я всё собиралась, - Жанна жадно ухватилась за разговор. Господи,

как ей не хватало их легкомысленных походов и беззаботных разговоров.

Минут тридцать подруги, окунувшись в светлое настроение детства, без умолку болтали. Взрывы хохота раздавались на том и другом концах провода, когда в замочную скважину входной двери вставили ключ. Немного подождав, медленно, чтобы не производить лишнего шума, повернули. Дверь открылась, и через порог шагнул Адольф.

- Откуда ты? - она спросила по инерции, совсем не давая себе отчёта в произнесённых словах.

- С работы, - застигнутый врасплох, на этот раз он старался смотреть ей прямо в глаза. Зрачки его были большими, влажно-бархатистыми.

Маленький выключатель щёлкнул в Жанниной голове. Настроение мгновенно из радужного превратилось в натянуто-тёмное - он обманывал её!

Это было два дня назад. И вот она снова одна. Из глаз покатались слёзы. Она постаралась остановить себя словами, которые Адольф стал позволять себе в последнее время: «Что, сильно плакать захотелось? Ну-ну, пожалей себя!» - не помогло. Слёзы полились сильнее. Впрочем, по отношению к себе она испытывала не жалость, а досаду: жила же спокойно! И воздушные замки давно перестала строить. Так нет, снова поддалась на уговоры, позволила себя обмануть! А ведь проходила уже эту школу! И всё не наука!

Внутри поднялась злость: она накажет и его, и соперницу. Соперница есть, в этом Жанна не сомневалась. Она представила, как он гладит по волосам ту, другую, как обнимает её за плечи! Это было невыносимо!

- Где он! Где он? Где он? - она не выдержала и села на кровати. Пружины жалобно скрипнули. - Нет, она не будет больше ждать. Юбка, кофточка, колготки, что там ещё? Ах, да, деньги... и позвонить...

Такси приехало через семь минут - ненавязчивый сервис помогает всем - безумцам тоже. Жанна села в мягкий салон желтенькой Волги.

- Куда? - водитель уже тронул машину с места.

- Едем по городу, заезжаем в каждый двор! - её гла-

за лихорадочно светились, щёки горели пунцовым огнём.

- Не понял?! - мужчина удивлённо повернулся.

- Что непонятного? Едем, не торопясь: километров тридцать в час устроит. Заезжаем в каждый двор, объезжаем каждый закуток, пока я не скажу: «Стоп».

На город спустился грустный, глубокий вечер. Но освещение дворов позволяло рассмотреть даже брошенный на тротуаре фантик от конфеты. Впрочем, фантики Жанну не интересовали. Глаза искали серебристую БМВ.

Таксист с внимательной пассажиркой исследовали двор за двором. Медленно, не пропуская ни одного дорожного кармана. Район, прозванный в народе «спальным», словно старался подтвердить своё название, удивляя редкими прохожими. Только светились, хвастая разнообразием люстр, жёлтые окна. Люди готовились ко сну.

- К «торговому» подъезжать будем? - водитель устало повернул голову. - Или Вас интересуют исключительно жилые дома?

Тон таксиста был приторно вежливым. Он старательно соблюдал дистанцию, спрятав эмоции внутрь, с показным равнодушием ведя машину. Его надежд на долгожданное «стоп» оставалось мало, когда перед зданием Торгового центра Жанна начала вопить и дёргать ручку двери. В следующую минуту её бросило вперёд, но пристёгнутый ремень спас от удара - мужчина, испугавшись, резко затормозил. Он открыл рот и, запнувшись на нечленораздельной фразе, мотнул головой. Жанна только разобрала сказанные вслух слова:

- Вы бы потише, - всё-таки его выдрессированная беспристрастность взяла верх. Женщина лихорадочно достала из сумки кошелёк и, протянув деньги, произнесла:

- Тут в два раза больше, не уезжайте, ... пожалуйста. Постоите часик, подождите меня. Выпрыгнула из машины, не закрыв дверцу, побежала к зданию.

- Вот сумасшедшая, - водитель, наблюдая за пассажиркой, ступил на асфальт, - но раз платит, можно и подождать.

Само здание центра было закрыто, и только сбоку жила, призывно зазывая посетителей, мигающая вывеска зала игровых автоматов. Прикоснувшись к двери, Жанна вдруг остановилась:

- Зачем она здесь? Что увидит? И готова ли увидеть? - она всё-таки вошла внутрь. И застыла на пороге. Медленно закрывающаяся дверь легонько подтолкнула её вперёд. Женщина сделала небольшой шаг и снова остановилась. Какие только картины не рисовала она себе... Но то, что увидела, было непостижимо. Её Адольф, милый, чопорный Адольф в дорогом шикарном костюме стоял перед торчащим посреди зала квадратным столбиком игрового автомата и, не отрываясь, коротко дыша, смотрел на бегущие цифры экранчика. Автомат поморгал - поморгал и остановился, с аппетитом переваривая предложенную монетку. От звуком донеслись, сливаясь с общим шумом, звонкие подпрыгивания удаляющегося от входного отверстия пяточка.

- Ну, надо же, - молодой человек взял из пригоршни левой руки следующий пяточок и бросил его в железный рот.

Автомат, как в первый раз, покрутил интригующе глазками и зазвенел убегающей монеткой. Прежде чем Жанна подошла к Адольфу, он успел забросить ещё один пяточок.

- Адольф, - Жанна взяла его за руку. Рука была холодной и потной, - пойдём отсюда!

Он повернул на секунду голову, посмотрел на неё невидящим взглядом:

- Я сейчас.

Пока он разговаривал с ней, из маленького железного отверстия заструился, призывно побрякивая, ручеёк монет. Адольф замер, напомнив гончую, и кинулся к пяточкам. Он выгребал дрожащими руками монетки и бормотал:

- Вот, вот видишь, я знал, знал, что так оно и будет. Иначе не могло быть, не могло! А ты - пойдём! Ты иди. Я приду позже.

Ей казалось, что сон продолжается. Ужасный, нереальный сон с реальными людьми. И главное действу-

ющее лицо - её Адольф. Откуда-то появились другие люди - более близкие ему, понимающие его. Они тесным кругом окружили игрока, поздравляя, подбадривая его, поощряя и возвышая. Он перекидывался фразами то с одним, то с другим. Глаза его засияли, лицо разгладилось. Не было и попытки повернуться в её сторону. Ей показалось, что даже затылок, обращенный к ней, добродушно расплывался в удовольствии.

Жанна бросилась к выходу. Выложенная плитками площадь перед торговым центром дробно - злым гулким эхом откликнулась на её шаги.

Домой Адольф вернулся позже обычного. Он напоминал побитую собаку. Жанна поняла - проиграл. Ей вдруг стало жаль его. Обиды отошли в сторону - наверное, она всё-таки любила. Девушка протянула ему на встречу обе руки:

- Ну, иди сюда!

- Это ты, ты во всём виновата. Не примчалась, всё бы получилось! - его ответная реакция оказалась столь неожиданной, что окаменевшая Жанна слушала его, не веря своим ушам - во всех неудачах он обвинял её.

- Как ты туда попала? Зачем?

- А ты? Зачем ты пришёл сюда?

Он мгновенно сник. Удивительная метаморфоза произошла с ним. Его глаза сделались глазами прежнего Адольфа, он встал на колени, взял её безвольно лежащую руку, поднёс к губам и начал целовать:

- Прости, прости меня, я же тебя люблю. Здесь мой дом. Ты - моя семья. - Адольф, дай мне слово, что ты больше не пойдёшь туда!

- Не пойду!

В тот вечер они поменялись ролями в «домашнем спектакле»: он искал её взгляда, она отводила глаза. Но как бы то ни было, к ночи отношения перешли в жаркие, а в её глазах вновь засверкали искорки. Идиллия вернулась. Жанне было радостно, что она ошиблась, что нет у неё соперницы, что Адольф любит её. И с души Адольфа свалился огромный камень: не надо было врать и изворачиваться, не надо придумывать ненужных историй.

- Что было со мной? Я был слеп! Жанюнь, никогда-никогда, слышишь, никогда это не повторится.

Они так и уснули в объятиях друг друга, шепча жаркие, ласковые слова. Утром окрылённая Жанна вскочила, вскипятила для него кофе, приготовила несколько бутербродов и, поцеловав, выпорхнула на улицу. Вечером вернулась пораньше, достала из шифоньера заброшенный фартук, а из принесённого пакета - мясные полуфабрикаты. К началу седьмого в гостиной на парадно-выходной скатерти мерцали свечи, а по квартире разливался тонкий аромат изысканных блюд.

Долгожданный звонок заставил промчаться через всю квартиру.

- О, - выдохнула она, - когда через открытый проём дверей на неё свалился огромный благоухающий букет.

Наверное, такой месяц, который они пережили после кошмарной встряски, и называют «медовым».

Для Жанны больше не было сомнений - Адольф её рыцарь.

«Лишь бы всё не повторилось», - думала она.

Но, увы, всё повторилось: и любовь, и исчезновение, и поиски, и раскаяние. В новом витке спирали прибавились лишь психотерапевт и больница, они помогли, но ненадолго.

Кто объяснит толком, почему женщина держится за того или иного мужчину, который порой пьёт, гуляет, бьёт? Ан, нет, не бросает она его, пытается помочь, молча неся свой крест, свои вериги.

Вот и Жанна, прикипев душой к Адольфу, ни за что не хотела с ним расставаться. Ей нужны были его взгляд, его прикосновение, его и никого больше. Она держала в голове их последний разговор, когда он, прижавшись щекой к её ладонке, говорил:

- Я не могу без игры, без автоматов. Меня туда словно волшебная сила тянет.

- Словно волшебная сила, - повторила Жанна вслух.

- Ну, что ж, волшебная, так волшебная. И она, не говоря ни слова Адольфу, исчезла из дома. На работе её тоже не оказалось - взяла на парочку дней отгул.

Когда же она вновь появилась у дверей квартиры, её

сопровождали два могучих грузчика, затащивших в дверной проём громоздкую коробку. Они, не спеша, распаковали и установили содержимое, пока Жанна сидела и отрешенно смотрела на их работу. Когда грузчики ушли, она взяла телефон и позвонила Адольфу:

- Я жду тебя в нашей спальне, не задерживайся.

Он примчался, радуясь, что она нашлась. Влетел в квартиру, через пару секунд оказался в спальне и, как когда-то она в торговом центре, остолбенел... Перед их роскошной кроватью, посреди спальни, отражаясь в зеркалах, призывно помигивая огоньками и поигрывая цифрами, стоял новенький игровой автомат.

Жанна по-прежнему сидела на кровати. Она так и не поднялась, когда появился Адольф, лишь устало перевела взгляд и показала рукой в направлении автоматного столбика:

- Ты говорил, что не можешь без автоматов. Не можешь не играть. Что ж, играй...

Наталья Сентябова

***

Мы жизнь творим ежеминутно,
Мечтая, плача и смеясь, –
Легко порой, но чаще трудно, –
Ошибку совершить боясь,

Всё ждём счастливого момента,
Не веря в собственное Я,
А жизнь короткой кинолентой
Не ждёт и пролетает зря.

Поступок совершив позорный,
Дорогу в ад себе мостим,
В благополучье иллюзорном,
Как спички, на ветру горим.

В гордыне, зависти и злости
Утрачиваем жизни цель,
И, как непрошенные гости,
Открыть не смеем к счастью дверь.

Дано не мало нам попыток
С достоинством свой путь пройти,
Платить проценты по кредитам
Придётся, сколько ни крути.

Ведь из сегодняшних поступков
Сценарий будущего взят,
И не видать победных кубков
Тому, кто злобою объят.

Мы жизнь творим в пыли угарном,
За рай иль ад ведём борьбу,
Талантливо, смешно, бездарно
Рисуем мы свою судьбу.

***

Не торопи и не гони – сама придёт,
Не избежать ни гению, ни вору,
У каждого свой час и свой черёд,
Её наряд любому будет впору.

Что в ней? Забвенье, утешенье, боль?
Бессмертие святого и гиганта?
Сыграть судьбой назначенную роль
Увы, придётся даже без таланта.

Инстинкт звериный в сердце победив,
Душой с привычным телом расстанемся
Под мрачный, незатейливый мотив,
Но, Бог простит, и мы ещё вернёмся.

***

Я так отчаянно себя жалела,
Сжимая лживый телефон в руке,
А океан шумел, и тело сладко млело,
Почти растаяв в золотом песке.

И этот диссонанс души и тела
Был, как фальшивый в музыке аккорд.
Я чайкой быстрокрылой стать хотела,
Чтоб скрыться в небе над пучиной вод.

Взметнуться ввысь и утолить печали,
Привычки притяженья превозмочь,
Никто не виноват, что мы устали,
Что скучен день и бесконечна ночь.

Я облаком мечтала обернуться,
Пролиться летним на тебя дождём,
Слезой небесною твоей щеки коснуться
И солнечным спасительным лучом.

Калифорнийский день встречает томный
вечер,

И логики законам вопреки
Прошу любви, а рассчитаться нечем.
И мы, как две планеты, далеки.

***

Ах, весна, дурман пьянящий,
Что ты делаешь, злодейка?
Ты над городом над спящим
Поливаешь зелье лейкой.

Неиспытанным волнением
Души юные тиранить,
Без стыда и без зазрения
Стариков любовью ранишь.

Всюду ты: в цветах, желаньях,
Неожиданных порывах,
В пенье птиц, звонках трамвайных,
Громких, радостных мотивах.

Опьянел мой милый город,
По ночам ему не спится:
То весна, с любовью споря,
В сердце каждое стучится.

***

Зима, не споря, солнцу отдалась,
Растаяла в лучах его горячих,
Счастливыми ручьями разлилась,
Свою любовь ни от кого не пряча.

Я тоже в этот март была готова
В его согреться бережных руках,
Так много нежности в чужих ещё глазах
И обещания любви и ожидания счастья снова.

Но скрылось солнце в равнодушных тучах,
Застыла в лужах вешняя вода.
Дней бесконечно долгих череда
Надеждою и дразнит нас, и мучит.

***

Сюжет картины: юная Венера
Волнует неземною красотой,
Лицо прикрыла маскою пантеры
И увлекает зверя за собой.

Крадётся зверь за ней:
В нём мощь единорога
И гибкость барса, и оленя стать.
Он морду прикрывает маской бога,
Избранницу не смея напугать.

Так день за днём инстинктов искушенье
Толкает нас на поиски любви.
В соединеньи разных – смысл рожденья
И жизни к совершенству на пути.

***

Фегейраса горячий ветер
Вкус лета передать спешит,
Где дух Дали греховно-светел,
Все окна распахнул души...

Любой каприз, любая склонность
С ним обретают остроту.
И растворяет отрешённость
Привычной жизни суету.

Здесь всё непрочно, всё условно,
Чужих миров – земные сны.
И я – не я. Я стала словно
Ожившим призраком Галы.

В смятеньи грёз, в сплетеньи стилей,
В оттенках страсти и любви,
Километраж безумных милей
Пытаюсь за неё пройти.

Почувствовать, как любит гений,
Завесу тайны приподнять,
Каких намёков, откровений
В его любви не избежать?

Найти неровный пульс вселенной,
Где гениальности исток,
Неуловимо и бесцельно
На новый перейти виток.

Инстинктов, снов, галлюцинаций
Лицо откроется вблизи,
Сквозь лик страстей и провокаций
Лицо безумного Дали.

***

Никитичу в день рождения

Он говорил о чём-то прошлом,
Утратив веру в настоящем,
Казалась жизнь простой и пошлой,
И будущее не манящим.

Устало сердце удивляться:
Весь мир людской как на ладони,
И в памяти глубинах тонет
Уменье плакать и смеяться.

Всего лишь блажь вселенской скуки
В его словах – почти признание:
В аккордах юности сознание,
А в сердце, в сердце, те же звуки.

Листает память календарь,
Прекрасных лет волшебный образ.
Зимы последний стон – февраль,
Он юн всегда, как юн твой голос.

***

Моей дочери Елизавете посвящается

Её глаза – прекрасные озёра,
Лицо – источник радости и света;
И музыка божественного хора
Звучит в душе моей Елизаветы.
А как она мечтает и смеётся...
Весёлая и дерзкая девчонка!
Её душа, как песня, звонко льётся
Талантливой поэзией и тонкой,
А сердце лишь одной любовью бьётся.

***

Я вошла в этот вечер,
Как входят в холодную воду
Жарким, солнечным днём.

В шумном городе – странная встреча
Сквозь годы
С первой нежностью, страстью и злом.

Я ловила в глазах,
Что когда-то родными мне были,
Свет забытой весны.
Всё свершилось давно в небесах,
И чувства остыли.
Сожаленья остались и сны.

И я слушала джаз
В этот долгий, мучительный вечер
И мелодию фраз.
Слёзы прожитых лет и поступков беспечных
Всё катились из глаз.

Вторил бас саксофону,
Рояль безутешно терзался,
Замер вечности миг.
И из бедного сердца любви похоронной
Всё рвался
Еле сдержанный крик.

Я прошла этот вечер
Душевной своей непогоды,
Никого не виня.
Он был первым,
Когда-то желанным – Предтечей
За годы
До тебя.

***

Растеряла рябина багряные листья,
Словно девушка сбросила яркий наряд,
Поцелуями сочными, жадными кисти
Мне в окошко глядят.

Собираются птицы в тревожные стаи
И призывно кричат, улетаая на юг.
И природа грустит, вечный круг замыкая,
Зиму ждёт как недуг.

Это звёздный волнующий ветер вселенной,
Что принёс ароматы идей,
Превращенье сердец, тех, что станут нетленны,
В драгоценную россыпь камней...

В мастерстве золотом все тональности мира,
Все оттенки любви и мольбы.
Это слёзы и боль, и волшебная лира,
И счастливые знаки судьбы.

***

Жаловалась Тьма седому Богу:
Застилает Свет мою дорогу,
Нет мне воли, нет мне славы, Боже!
Всюду Свет, и я хочу быть тоже.

И спросил у Света Бог устало:
Что же вам одной вселенной мало?
Тьма в твоих лучах изнемогает,
Ни покоя, ни любви не знает.

Удивился Свет:
Пусть подойдёт поближе!
Только где же Тьма?..
Её не вижу.

Навеянное трагической историей Анны Болейн

Наверное, я тоже бы смогла,
Пожертвовать своим прекрасным телом,
Взойти на эшафот в рубашке белой,
Чтоб дочь моя на трон страны взошла.

Наверное, смогла бы, только вот
Не встретился король мне ясноглазый,
Чтоб всё отдать: всю душу, тело, разум,
Пусть даже за один счастливый год.

Наверное, не дрогнула б рука...
Бороться за любимого мужчину:
Безропотно принять свою кончину,
Чтоб пронести любовь через века.

Но, верно, кукловод чудит не зря
И раздаёт, не церемонясь, роли:
Кому в темнице жить, кому на воле,
Кому Раба любить иль Короля.

И не помогут жаркие мольбы,
Коль выпала безрадостная доля
И корчиться, и мучиться в неволе
Обыкновенной, жертвенной судьбы.

И всё-таки хочу я путь иной...
Напиток пригубить судьбы великой...
Стать совершенной и душой, и ликом,
Чтоб смог ты разделить любовь со мной.

***

Уж март прошёл, и на дворе апрель,
Зима сдалась и попросила мира,
И началась, как прежде, канитель:
Устройство птиц на летние квартиры.

Сосулек с крыш сбежал хрустальный лёд,
В ручьях болтливых утопив гордыню,
И от любви уставший рыжий кот,
Зажмурившись, на солнце греет спину.

Кругом весенних дел ажиотаж:
Сугробов тают белые подушки.
Смывает солнце зимний макияж,
Взамен рисуя нежные веснушки,

А в небесах разлит ультрамарин,
И на асфальте луж худые блюдца,
Прохожие, спасаясь от машин,
К домам глазастым поневоле жмутся.

А ветер – парикмахер и стилист,
Зелёные кудряшки завивает,
Всё ярче звуки, воздух свеж и чист:
Весна пришла и с ней любовь земная.

***

Ты так просто туда не войдёшь.
Это город – загадка, шкатулка с секретом.
Весь Урал – драгоценная брошь,
Он – один из его самоцветов.

Никогда не сравнится с Москвой,
Слишком мал и историей молод,
Но с душою такой же большой
Покорителей атома город.

В нём прекрасные люди живут,
По плечу им любые вершины,
Их мечты воплощенье найдут
В самых ярких делах и картинах.

Он всего лишь в начале пути,
Каждый день его важен и дорог,
Ты по улицам этим пройди
И влюбись в расцветающий город:

В бесконечный сезонов вальс,
Молчаливые, мудрые горы.
Здесь родился Новоуральск –
Сердцу милый и близкий город.

***

Плаксивей стали небеса
От колдовской осенней порчи:
Прозрачней жёлтые леса,
Короче дни, темнее ночи.

Скучна рябина за окном:
Все ягоды склевали птицы.
Асфальт неубранным листом
Под ноги жертвенно ложится.

Бушует високосный год:
Финансовый объявлен кризис,
Уходит в небеса народ
Без объяснения и визы.

Тяжёлый год в цепочке лет
Последних вывел Нострадамус,
Средневековый этот бред
Бездушной смерти полнит парус.

Уже недолго нам терпеть, –
Двенадцатый совсем уж рядом,
Кому-то проще умереть
Сейчас, а не покорным стадом,

Когда комета пролетит
И океан поднимет воды.
Но вера теплится: простит
Всевышний, грешные народы.

Тяжёлые развеет сны,
И мир прощённый улыбнётся...
Дай, Бог, дожить нам до весны,
Когда любовь в сердца вернётся.

*Неповторимому внучонку
Димочке с нежностью*

Вхождение в жизнь

*«Я в этот мир пришёл,
Чтоб видеть солнце...»
Анаксагор*

Открыл своим рождением новый век
Наш долгожданный, милый человек.
Тысячелетье новое открыл,
И сам Господь тебя благословил.

В купели, в бликах солнечных монет,
Рождественского дня увидел свет,
Ты улыбнулся благостно ему,
Плеснулся крестик к тельцу твоему.

Крест будет защищать тебя от бед,
Он дали осенит грядущих лет.
Вселенная вся – в капельке росы,
Ты ощутил уже её азы.

Рождён под знаком Солнца ты, малыш,
Пока улыбкой с мамой говоришь,
Её любовь надёжна и сильна,
Поющая над колыбелькой сна,

Что соткана из дивной красоты...
Урал суровый нежные цветы
В твой день рожденья щедро расплескал,
Дорожку света ими украшал.

Иди по ней, прелестный человек...
Век новый взял стремительный разбег!..
И чтобы в ногу с ним тебе пойти,
Здоровым, сильным мальчиком расти!..

***

Лицо Земли, приподнятое к небу,
Овеянное воздухом лесным,
Цветами улыбнулось в день весны,
Подумала: лицо такое мне бы.

Такие бы бутоны на кармашках
У платяца и бусы из росы...
Я у земли решила попросить
Земное солнце, что живёт в ромашках.

И в солнечный веноч цветы вплетались
Весёлой песней, пальчиками рук,
Несла моя головка солнца круг,
И бабочки нарядные слетались.

Природа составляла детям ребус,
Смотрело солнце из травы лесной.
Теперь я знаю, почему весной
Лицо Земли, приподнятое к небу,
Цветами говорит всегда со мной.

***

Мы одни во всей вселенной
Да свет-зорька алая.
Косовицею отменной
К удивленью стала я.

Стать пришлось мне с детства сильной,
Чтоб отцу в косьбе помочь.
(Как хотел иметь он сына,
Да пять дочек родилось).

Каждым летним днём погожим
Косим травушку, пьём квас,
Граблями валки ерошим,
Их копним... Сенцо у нас

Ароматно и душисто,
Состоялось из травы.
Этот корм смогло так быстро
Только солнце сотворить!

Ешь всю зимушку, коровка!..
...Окончательный итог:
Папа сено мечет ловко,
Я укладываю стог!..

Вспоминаю время это,
Рядом шедшее со мной:
В этой грусти много света, –
Был покос из лета в лето...
Было детство... Папа мой...

«Я назову тебя зоренькой...»

*Желанной, родной сестре моей
Тамаре Жарковой с любовью*

*«И чудится звонкий твой голос,
Ты молода и влюблена.
А сердце в стихах расколось
И снова волнует меня...»*

(Из песни Витаса «Птицы улетели»)

Единственной в жизни любви
Ты в танце на льду повстречалась,
Снежинками след переверит,
И юности песня осталась.

И пламя, и лёд на катке,
И солнце осталось, и выюга.
Остался и вальс на реке,
И белые розы от друга:

«Тамарочка» – строки, увы,
Прочтёшь ли из слов-паутинок?
Осталось признание в любви
В шнурочках фигурных ботинок.

«Тамарочка, я назову
Тебя самой нежною зорькой...» –
Коньки ледяную канву
Украшили вязью узорной.

«Тамарочка, встреча была
Ключом золотым к жизни нашей...»
Рождаясь, росла и цвела
Любовь в красоте настоящей.

Осталось... Промчалось... Слилось...
Живые цветы не увяли,
И в дни юбилеев из роз
Мы имя твоё составляли.

Мне чудится голос твой, смех
И танец из воздуха, света,
И чистый рождественский снег
Как дар неземного букета.

Сестрёнка, тобою горжусь,
Красива, умна и любима.
В гармонии звуков и чувств
Твоё шепчет зоренька имя.

***

Моим восторгам нет предела,
Здесь нет счастливее меня, —
Сквозь гроздь черёмухи смотрела
На краски солнечного дня.

Струной души хотела петь я,
И песнь дала кастальский ключ:
Черёмух гибкие оплетья
Дождём душистым лили с круч.

Люблю я на черёмух прелесть,
Уткнувшись лбом в окно, смотреть
На рифмы ливня, листьев шелест,
Сквозь белый, в буйном цвете, свет.

Хочу сквозь нежность наглядеться
На сына, дочь и на внучат,
Чтоб ощутить струною сердца
Восторг кастальского ключа.

До дней последних бы смотрела
На юность солнечного дня.
Моим восторгам нет предела,
Здесь нет счастливее меня.

***

*«Как здорово, за всё сказав «спасибо»,
В ответ услышать: «Приходи ещё!..»
Александр Кердан*

Август засмотрелся спелой вишней,
Солнцу распахнув кафтан зелёный.
И своей поспешностью излишней
Градом падал в туесок плетёный.

Взглядом провожая кустик новый,
Снова я Творца благодарила:
Божий дар! Цветов закат вишнёвый,
Вновь компот из ягоды варила.

И пила божественный напиток,
Радости земные ощущая.
В лес дорога каждому открыта,
Щедрая, зовущая, большая.

Любовалась листьев паутинкой,
Словно драгоценным украшеньем.
Лес шептал мне каждую травинкой:
«Приходи ещё за угощеньем...»

***

Тот миг, разъединивший нас,
Как ни старалась, не забыла.
Зима мне сердце остудила,
В висках метелью улеглась.

Закрыла я своей души
Перед тобой входные двери,
Но ты в разлуку не поверил, –
Цветок у двери положил.

***

Снова шла по дорожке знакомой,
Снова падал весенний снежок.
И реснички снежинок с истомой,
Чуть оттаяв, слетали со щёк.

Оживлённая радостью света,
 Вижу я наяву, как во сне:
 Нараспашку идёшь, без берета,
 Ты навстречу любви и весне.

Как хочу, как хочу заблудиться
 В волосах непокорных твоих,
 Под шатром их от будней забыться,
 Праздник встречи делить на двоих.

Чтоб сплетённые нежностью руки,
 И весеннего дня снегопад,
 И снежинок рассыпанных звуки
 Повторялись опять и опять.

Быть хочу я снежинкой летящей,
 Быть улыбкой красивой твоей.
 И ласкаю дыханьем горячим
 Омутовую заводь кудрей.

Как хочу заблудиться, забыться,
 Спрятать слёзы в твоих волосах,
 Чувством нашей любви насладиться,
 Чтобы солнце лучилось в глазах.

***

Расстоянье между нами...
 Я вошла в твой дом стихами, –
 Необычное свиданье:
 Зримо чувствовать дыханье.

Воплотила голос в строки,
 Ты не будь со мною строгим,
 Обними слова глазами,
 Нет пространства между нами.

Время есть. Есть расставанье.
 Есть мечты. Воспоминанья.
 Неуютно станет если
 Сердцу в очень узком кресле,

Ты погладь ладонью строки,
 Утомлённые в дороге.
 В них мой голос и дыханье.
 Ни при чём здесь расстоянье.

Ностальгия

*(На это стихотворение написана
песня Риторией Чебыкиной.
Ее исполнял Виктор Чесноков.)*

Жил я с тобою, город мой светлый,
Дом на Ольховой – начало начал.
Вслед мне листочки падали с веток,
Ты оставался, а я уезжал.

Многое видел, жизнь познавая,
Много хороших друзей повстречал.
Рядом с тобою редко бывая,
Как ты растёшь, как цветёшь, примечал.

Часто дом отчий я вспоминаю,
Школу, завод и родной институт.
В памяти лица перебираю,
Годы, что в сердце, не старясь, живут.

С девушкой милой лыжи нас мчали
В мир красоты, что волшебным зовут.
Раннюю зорьку с другом встречали,
Рыбку дарил нам Верх-Нейвинский пруд.

В стайке берёзок храм я увидел,
Крест деревянный в сиянии дня.
Крылышком лёгким ангел-хранитель,
Мне показалось, погладил меня.

Новоуральск мой, берег надежды,
Ты – моя радость и тихая грусть.
Труд и терпенье – вот моё кредо,
Жди, я к тебе непременно вернусь.

Песня вечности

*Несравненному поэту, радиоведущему
программы «Выражи времени»
Андрею Дементьеву с почтением*

*«Не звездой становитесь, а солнышком,
Хоть кого-то способным согреть...»
Юрий Хохолков*

«Над землёй летели лебеди солнечным днём...».
Слушаю с душевным трепетом песню о том,
Как людское зло нарушило мир тишины,
Прогремело и отзвучилось эхом войны.

И застыл в одно мгновение птиц перелёт,
Я пишу стихотворение, строчка ползёт
Вверх и вниз дрожащим почерком, не по прямой.
Лебедь белых крыльев росчерком правит стих мой.

В песнях у Поэта и в стихах его
Видится мне жизнь Отечества всего.
Слышится о том, как гибнет белый свет, –
Так писать лишь может истинный Поэт.

Ясная улыбка, мысли и душа,
Ведь самую жизнью может он дышать.
Гениальный, скромный, любящий, любим.
Добрыми людьми читаемый и чтим.

Он велик, правдив, как русский наш язык.
Автор самых нужных в нашей жизни книг.
Тема актуальна творчества его.
Счастлива, что с ним я взгляда одного.

Не звездой холодной, – Солнцем тёплым стал.
Светлое начало дружеских начал.
В добром русском Слове много Красоты,
И оно способно Свет от зла спасти.

Звезда небесная

Любимому певцу Витасу с благодарностью

*«Мне трудно передать словами,
Те чувства, что во мне живут...»
(Из его песни «Мама»)*

Эпиграфирую я Витасом,
Его, сказать вернее, песнями.
Явь необычным перевита сном,
Цветными нотами чудесными.

Возникли чувства небывалые
К певцу, к поэту, к композитору,
Ведь в каждой песне – зори алые
Несут восторг мне, телезрителю.

Звезда передо мною яркая, –
Величье... Сила... Обаяние...
В ней свежесть тона, пламя жаркое
Цветов, любви, рукоплескания.

Дар божий – голос упоительный...
Изящество... Манера пения...
Мне бы в Кремлёвском зале зрительном
Бывать – вершина наслаждения!..

На расстоянии мне видится,
Сквозь толщу ласкового свитера,
Душа талантливого Витаса, –
Певца, поэта, композитора.

Росой сверкающая, инеем,
Земля становится помпезною.
Мне хочется, чтобы небесную
Звезду его назвали именем.

***

Совершенство!.. Посмотрите
На семейство Эхнатона:
Египтянка Нефертити
Настоящая Мадонна!..

Обаянье... Грациозность...
Утонченность... Гармоничность...
Воплощённая духовность
В человеческую личность.

В ряд с Венерою Милосской
И Джокондою поставлю
Нефертити! В рамке плоской
Женщина, чей образ славлю!..

Сквозь рельефы и скульптуры
И сквозь росписи стенные
Вижу древние культуры,
Голоса веков живые.

***

*«Постигаю суть земной Природы,
Радуюсь разумности её...»
Сергей Понюшкин*

Уважаю Природу,
С ней делю дни свободные.
Я хочу слушать воду –
Сотворенье Господнее.

Путь к реке недоступен –
Берега каменистые.
Кто здесь сделал уступы,
Тропку травкою выстелил?

Опускаюсь к бездонью
По тропиночке-лесенке.
Глажу воду ладонью,
Шлю поклон доброй реченьке.

И душой прикасаюсь
К гладкой водной поверхности,
Я стою, не купаюсь,
Там, где мельче, для верности, –

С головою наружу,
Мыслью светлой заполненной.
Звук воды не нарушу,
С давних пор мной запомненный.

Всплески вод, их журчанье
В беспредельном течении.
Древних песен звучанье
Слушаю с восхищением.

Солнце воду ласкает,
Взгляд мой радуя бликами.
Ветерок пролетает,
Рой стрекоз над кувшинками.

Ощущаю свободу
Волн, текущих в мгновениях.
Я люблю слушать Воду –
Высших Сил сотворение.

***

Затопили мы баньку,
Дым – до самых небес!..
Не одну дров вязанку
Принесём – рядом лес!..

В круговерти буранной
Свой огонь, свой костёр!..
Снег бадейкою банной
Зачерпнём и – в котёл!..

Расплескались мгновенья,
Расходились пимы,
Разлетелись поленья
По-над духом зимы!..

Холодят половицы,
Заплясали огни!..
Закипевшей водицей
Ты для пара плесни!..

И пошло, как по маслу:
Веник бьёт по спине!..
В баньке первого класса
Сладко париться мне!..

И тебе пар во здравье,
В нём дух русской зимы!..
Сдобрим пар разнотравьем,
Что собрали с весны.

Двери настежь пошире!..
И с разбегу – в сугроб!..
Чтоб здоровыми были,
Были крепкими чтоб!..

Баня – лучшее средство:
Разомлели – отбой!..
...Чем же вылечить сердца
Неуёмную боль?

***

Боль мотаю в клубок – пожелала связать
Повседневный наряд для себя я особый:
Ритуальностью цвета достойно скрывать
От навета и зла душу светлую чтобы.

О, живая душа!.. Как тебе нелегко
Быть исхлёстанной словом, с терновником
СВИТЫМ.

Боль мотаю в клубок, получив из него
Для защиты души черный вязаный свитер.

***

Черёмуха в каком-то платье странном
Стояла от меня невдалеке.
Не задержалась ткань в моей руке,
Ведь называлось платьице туманом.

Моя рука в твоей не задержалась, –
Добро не уживается со злом.
И пусть за тучку солнышко зашло:
Простим природе маленькую шалость.

О, время, разделённое на годы...
Не потому ли, что тумана шаль
Несла в себе разлуку и печаль, –
Не оскорблённое ничем лицо природы.

***

Без тебя мне зиму не согреть,
Не ласкать грустящих в ней снежинок.
Без тебя деревьям костенеть
В скверах вдоль заснеженных тропинок.

Улеглась зима шагам вослед,
Расхлестав метелями прогулки.
Песню ожидания не петь
Ветру, что встречал нас в переулке.

Я иду по настовой крупе,
Вздых бывлых тропинок ощущая,
Я иду, как шла весной к тебе.
Мне навстречу шла любовь большая.

Имя, что ты носишь, написать
Не могу, любимый, как бывало, –
Снежная просторная тетрадь
Предо мной страницы закрывает.

В стих перенесу тропинок след,
Не отдам весне их белой вязи.
Образ твой – звезды далёкой свет,
Именем твоим строку украсит.

***

Тропинка выслана листвою осенней.
Топчу я вздох её живой, последний.

Чувств наводнение?.. – Цветок!.. Нагнулась,
Услышав поздний голосок... Взгрустнулось...

Цветок души моей взяла тетрадка.
И в этой грусти мне мила закладка.

Она десятки лет лежит,
В ней продолжает юность жить
Той осени, в которой мы
Встречали разноцветный мир.

Мы рисуем цветы мамам

*Это стихотворение написал мой
9-летний внучок Дима Чебан*

В мае травы нежные,
Среди них – подснежники
Расцвели и радуют
Землю, небо, радугу
И меня с приятелем
Леса завсегдааем.

Дождик только что прошел,
Слышно пенье диких пчел.
И подснежники поют
С ними песенку свою.
Мы не будем рвать цветы –
Скучный лес без красоты.

Лучше нарисуем их,
О цветах напишем стих,
Ведь свое творение,
Сказочно-весеннее,
Посвящаем мамам
Нашим милым самым.
Мамы все хорошие,
На цветы похожие.

***

Улыбка, излученная пионом,
Моей души страдающей коснулась,
От радости ответно улыбнулась,
Цветок дыханьем обласкав влюбленным.

Прижавшись к красоте его губами,
Поцеловав в нем спящие росинки,
Оставила счастливые слезинки,
Лицо Души онежив лепестками.

Из цикла стихов «Уголок молчания далекий»

Во имя любви

*Светлой памяти невестки моей
ненаглядной, лебедушке величавой,
Ольге Чебан*

*«Еще одним цветком земля беднее стала,
Еще одной звездой богаче стали небеса...»*

Дни летели... и годы бежали гурьбой
Друг за другом, бег времени не обгоняя...
«Как хочу я увидиться, мама, с тобой,
Так соскучилась я о тебе, дорогая...»

Разговор телефонный был радостным... Вдруг
Стал печальным, – до слуха слова долетели:
«Операция... Вызов... Лечу в Петербург...
Обнаружили «бяку» врачи в моем теле...»

Осенив сквозь пространство невестку крестом,
В храме свечку зажгла я на утренней зорьке,
Попросила у Бога в молитвах о том,
Чтоб помог сохранить жизнь рабе своей Ольге.

«Я лечу в Петербург!...». Телефонная связь
Повторила слова в поднебесье просторном...
Весть, как гром среди ясного дня, ворвалась
Без тебя в дом родной, свет в котором стал
черным.

Жизнь и смерть. Что мгновенно и вечно,
что в них?..

В двух сгоревших свечах не найти объясненья...
Урна с прахом шкатулкой в ладонях моих
Приоткрылась, казалось, для благословенья

В скорбный путь... О, Всевышний, во имя любви,
Двери в рай отвори для земного цветочка!..
Передать материнские чувства свои
Так пришлось мне при... «встрече»...
Прости всех нас, Дочка!

Море нежных цветов – свет живой красоты –
Гнулось нотками радуги, словно в поклоне:
В дар последняя осень твоя поднести
Пожелала цветы на... прощальное лоно...

Дети, внуки, родные, друзей круг большой
Провожали тебя, Дочь Земли, в путь последний,
К ранней урне твоей припадали душой,
Орошая слезой уголок заповедный.

Не увидим тебя, Оля, мы никогда –
Смолк чудесный твой голос, застыло дыхание...
Но останешься в каждом из нас навсегда,
Как Богиня Любви, как Само Обаяние.

*Из цикла стихов
«Созвездие Сонетов»*

***

Молитва – дыханье души.
Беседую с Богом в тиши
Рассветов, закатов и дней,
Рождённых для жизни моей.

С больною душой от грехов
Пришла я к Спасителю вновь
Молитву без слов возносить.
И славить Его и просить;

Не слышать земного вокруг,
Душою почувствовав вдруг
Сиянье Венца и Креста
В крови Иисуса Христа, –

Здесь капелька света в тиши
Дыханием станет души.

***

На красоту колеблющихся нив
Смотрю, в своём решении колеблясь.
Вновь ветер, направление изменив,
Крылом своим задел верхушку стебля.

Качнувшись, зазвенел тот стебелёк,
Что колокол, отлитый рукотворцем.
Он древний звук Земли в себе сберёг,
Цвет неизменный и Луны, и Солнца.

Он колосился, ветру наклонив
Всё существо своё, своё свершеньё!..
На красоту колеблющихся нив
Смотрю, проблеме находя решенье.

Я мудрости учусь не у людей,
Её мне дарит ширь ржаных полей.

***

Родившись в клетке золотой,
Не рвётся пташечка на волю,
Она своей довольна ролью,
Хотя подчас и непростой.

По проволоке, словно нить,
Скользит канатная плясунья.
Над бездною, судьба-колдунья,
Дай равновесье сохранить!..

Но, выпуская балансир
Из крыл, о камни бьётся птица...
Ей на свободе бы родиться,
Хватило бы пернатой сил

Взлететь!.. Она ведь рождена летать!
Жизнь в роскоши сумела всё отнять!..

***

Остерегаясь смутных ощущений,
Смотрю с восторгом на один предмет,
Чтоб в нём одном успеть мне рассмотреть
Всю полноту стремительных движений.

О берег бьются пенистые волны -
Любуюсь я единственной волной:
В узор её рукою озорной
Река вплетает звук свой, света полный.

Зависнув на мгновенье над рекою,
Неведомо откуда и куда,
К познанию мира бьёт ключом вода,
Я трогаю её своей рукою.

Волны я различаю два крыла:
Схожденье, расхожденье... Жизнь плыла.

***

Как мгновенье, взмах ресниц,
Ночь бессонная длинна...
К острию вязальных спиц
Приближает свет луна.

Уползла со спицы нить,
Петлю сделать не успев.
А рисунок сохранить
При вязании – успех!..

Исполинская луна
Не моргает – нет ресниц.
Мне мешает спать она,
Льётся, выйдя из границ.

Я вздыхаю и виню
Ночь, себя, но не луну.

***

Вечное – не пустота,
Жизнь в раю или в аду.
Мы простимся у моста,
Дальше я одна пойду.

А верней, моя душа,
Что живёт во мне пока,
Отлетит и не спеша
Полетит за облака.

К покаянью мне б сейчас.
Существуем... Не живём...
Отвернулся Бог от нас?
Нет! Забыли мы о Нём.

О, святая простота!..
Вечное – не пустота.

Илья Чумаков

***

На дне стакана я увидел отражение Луны.
Она моргала жёлтыми глазами.
В моём стакане
Плавал майский жук,
Беспомощно расправив крылья,
И чайной ложечкой звеня, я думал,
Что же мне дала
Та музыка, которую я слышал?

Но всплеск воды...
Кусочек сахара, упавший в чай
Убил Луну, рождённую в стакане.
И майский жук был выброшен за борт
И чайной ложечкой размазан
По грязному столу.

Затихла музыка.
Потушены все свечи
Ветром, что влетел в открытое окно,
И лишь Луна,
Моргая жёлтыми глазами,
Рождается опять в моём стакане.

Човоуральску

Я подхожу к вокзальной проходной
И захожу в уютный тамбурок:
«Здорово, тётя, я иду домой,
Тебе вот пропуск постоянный мой».

А вот и город – славный городок!
Стоит, раскинувшись
На юг, на запад, на восток.
Но я-то знаю, как тебе дались
Такие достижения твои...

Сегодня не расскажет нам никто,
Погибло сколько в те года людей,
Когда здесь вместо улиц и домов
Стояли лишь бараки лагерей.

А те, кто выжил, сдали точно в срок
Завод и город, и театр, и «кино»,
И имена увековечили свои
В названьи улицы от первой проходной.

Сыну

Хочешь – станешь капитаном,
Поплывёшь по океанам,
Страны новые откроешь
И на карту нанесёшь.

Хочешь – будешь ты пилотом,
И на быстром самолёте
Ты по небу, словно птица,
Пронесёшься над страной.

Хочешь – станешь космонавтом
И вперёд по звёздной карте
К неизведанной планете
На ракете полетишь.

Хочешь – станешь дирижёром,
Музыкантом иль актёром,
Инженером и шофёром,
И врачом ты можешь стать.

Только главное при этом –
Стать хорошим человеком...

***

Белый клоун на верёвочке прыг-скок!
Белый клоун растянул в улыбке рот.
Белый клоун, белый клоун, попляши!
Нас – серьёзных, очень важных, рассмеши.

Белый клоун, белый клоун, ты смешной,
Не пугает наш тебя «базар» крутой.
Всё висишь там на верёвочках своих,
Улыбаешься и ножками – дрыг-дрыг.

***

За окном ночь,
За окном тьма,
Всё ушло прочь,
На душе – мгла.
И в стакане вино,
И хлеб на столе.
Заходи ко мне, друг,
Посидим в тишине.

Посидим, помолчим.
Мы друг друга поймём,
И в стакане вино
На двоих разопьём.
И наступит рассвет,
И рассеется мгла.
И с утра нас в дорогу
Погонят дела.

Солнце будет светить,
Не страшна будет тьма.
Будет всё...
Надо жить!

***

Как было бы легко и просто умереть,
Не досказав, не дописав и не допев.
Не долюбив, не дострадав и не простив,
Не извинившись и не извинив...

***

Город любимый, тебе пишу я.
Только мне слов не хватает что ли,
Лишь клавесин, в тишине тоскуя,
Помнит о счастье твоём или боли.

Город, сравнить тебя с чем, не знаю,
Ты не творение снов тумана,
Ты и не храм в золотой печали,
И не смола из сосновой раны.

Город мой нежный, тебя венчает
Хмурый Урал диадемой леса,
Пылью алмазною в ней сияет
Бисера нить – дождевая завеса.

Теплые дни и холодный ветер,
Травы и реки, леса и горы –
Все воплотилось в твоём рассвете.
Ты – мой единственный в мире город.

***

В твоей руке моя рука
Хранит тепло воспоминанья,
Как лунный блик издалика,
Как ритмы танго, боль прощанья,

И полужест, и полувзгляд,
И полуфлирт почти улыбки...
Течет по венам сладкий яд,
Стирая прошлые ошибки.

Я не ищу красивых слов,
В обмане фраз уже не греюсь,
И ночь без звёзд, и сон без снов,
И тишины забытой прелесть.

Я не ищу во мне тебя,
И ты в себе меня не ищешь.
Лишь звёзды тихо догорят,
Забыв отдать монетку нищим.

***

Любовь сливается с кошмарным сном,
Кошмарный сон сливается с любовью,
И кажется, что сотни лет знаком
С той, что увидел только лишь сегодня.

Тревога желтых мартовских цветов
На темно-синем, как чернила, фоне
Её, её весеннего пальто.
А мокрый снег ложится на ладони,

И ветер гонит в небе облака
Над мостовой Арбата и Садовой,
Течет водой весны Москва-река...
Дорога жизни начата по-новой.

Не Бог, так дьявол обвенчает их.
Луна в воде, как зеркало, разбита.
И даже смерть лишь только на двоих.
Навеки вместе Мастер с Маргаритой.

***

Отпуская грехи, догорают церковные свечи,
Словно чью-нибудь жизнь начертав полумраком окна,
Тихо падает снег на мои обнаженные плечи,
Тихо падает снег... Грустно смотрит богиня Луна.

Тихо падает снег из глубокого ультрамарина
С белоснежностью статуй свою белоснежность
сравнить.
Тихо падает снег в переулки уснувшего Рима...
Тишина, как хрусталь, хватит вдоха, чтоб воздух
разбить.

Тихо падает снег, и его удержать невозможно,
Истекает водой, теплой кожи коснувшись слегка.
Тихо падает снег, плакать тоже теперь слишком
поздно,
Только дым от свечей, не растаяв, уйдет в облака.

Одиночество

Одиночество – страшный крест.
Слишком больно не знать друг друга.
Безотчётная смена мест
Не выходит за рамки круга.

Тонких строк прихотливый бег
Не заменит пушистый шёпот.
Как-то скучно мной начат век
В наготе полутёмных комнат.

Одиночество – тонкий вскрик,
Утонувший в сыром тумане.
И луны нездоровый лик
Чьим-то близким лицом не станет.

Я не скоро закончу квест
И исчезну за парашютом.
Одиночество – страшный крест.
Слишком поздно забыть об этом.

Электронная книга подготовлена и распространяется Уральским Провинциальным Издательством с разрешения правообладателей.

Уральское Провинциальное Издательство (Урализдат) осуществляет подготовку и издание книг в печатном виде и цифровом формате (Е-book).

Основная тематика наших изданий - история и краеведение Урала, проза и поэзия уральских писателей, при этом предпочтение отдаётся провинциальным авторам.

Подробно с нашей деятельностью и изданиями можно познакомиться на сайте издательства: <http://uralizdat.ru> и в группе на Facebook: <https://www.facebook.com/groups/uralizdat>

Copyright information

Тексты данной электронной книги защищены
(cc) **Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs
3.0 Unported License.**

Вы можете свободно:

делиться (You are free: to Share) – копировать, распространять и передавать другим лицам данную электронную книгу при обязательном соблюдении следующих условий:

– Attribution (Атрибуция) – Вы должны атрибутировать произведения (указывать автора и источник) в порядке, предусмотренном автором или лицензиаром (но только так, чтобы никоим образом не подразумевалось, что они поддерживают вас или использование вами данного произведения).

– Некоммерческое использование (Noncommercial use) – Вы не можете использовать эту электронную книгу или отдельные произведения в коммерческих целях.

– Без производных произведений – Вы не можете изменять, преобразовывать или брать за основу эту электронную книгу или отдельные произведения.

<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/deed.ru>

Любое из перечисленных выше условий может быть отменено, если вы получили на это разрешение от правообладателя.

Licensed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs 3.0 Unported License.

To view a copy of this license, visit

<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>

or send a letter to Creative Commons, 444 Castro Street, Suite 900, Mountain View, California, 94041, USA.

You are free:

to Share – to copy, distribute and transmit the work Under the following conditions:

Attribution – You must attribute the work in the manner specified by the author or licensor (but not in any way that suggests that they endorse you or your use of the work).

Non-commercial – You may not use this work for commercial purposes.

No Derivative Works – You may not alter, transform, or build upon this work.

Any of the above conditions can be waived if you get permission from the copyright holder.

